

Мир Французской революции

В. А. Погосян

•

Историки Французской революции

Мир Французской революции

Варужан Погосян

Историки Французской революции

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2019

УДК 94
ББК 63.3(0)

Погосян В. А.

Историки Французской революции / В. А. Погосян —
Автономная некоммерческая организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2019 — (Мир Французской
революции)

ISBN 978-5-8243-2349-8

Эта книга состоит из двух разделов. В первом представлены портреты выдающихся советских историков - В. М. Далина, А. Р. Иоан-нисяна, Г. С. Кучеренко, с которыми автору довелось работать и общаться долгие годы в АН СССР и АН АрмССР. Одна из статей посвящена полемике А. Матьеза с советскими историками, другая - его ученику Ж. Годшо, одному из крупнейших специалистов по истории Французской революции XVIII столетия. Во втором разделе помещены публикации важных архивных документов, проливающих свет на научное сотрудничество советских историков, а также на их связи с французскими коллегами. Книга рассчитана на историков. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-8243-2349-8

© Погосян В. А., 2019
© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2019

Содержание

Введение	7
Раздел I	11
Глава I	11
Глава II	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Варужан Погосян

Историки Французской революции

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

Мир Французской революции

Varoujean Poghosyan

Les historiens de la Révolution française

Варужан Арамаздович Погосян – д. и. н., ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, ответственный секретарь журнала Ереванского государственного университета «Вопросы арменоведения». Специалист по истории Французской революции XVIII столетия и Геноцида армян. Автор книг: «Переворот 18 фрюктидора V года во Франции» (Ереван, 2004), «Армяне – сподвижники Наполеона: история и мифы» (Ереван, 2009), «Армянские погромы 1909 г. в Киликии через призму французской историографии» (Ереван, 2009, на армянском языке), «Les massacres des Arméniens de Marache en 1920» (Erevan, 2010), «Первый этап Геноцида армян в оценке французской историографии и общественно-политической мысли (конец XIX – начало XX века)» (Ереван, 2011, на армянском языке), «Le désastre de Smyrne de 1922» (Erevan, 2011), «La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques» (Saarbrücken, 2017) и др. Перевел также много научных работ с французского на армянский по истории армянского народа, в том числе объемный сборник документов «Великие державы, Османская империя и армяне во французских архивах (1914–1918 гг.)» (Ереван, 2005, т. 1–2).

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045

Ответственный редактор
А. В. Чудинов

© Погосян В. А., 2019

© Политическая энциклопедия, 2019

Введение

На протяжении десятилетий мне выпала счастливая возможность общаться со многими историками широкого мирового признания, советскими и зарубежными специалистами, главным образом по истории Западной Европы. Другими словами, в мире науки мне крупно повезло. Уже в студенческие годы общение с академиками АН АрмССР А.Р. Иоаннисяном и М.Г. Нерсияном во многом обусловило мой интерес к истории XVIII–XIX столетий. Обладая колоссальными знаниями и непререкаемым научным, общественным, моральным авторитетом, они были очень разными по характеру и психическому складу людьми, однако их объединяло требование профессионализма и максимализма в науке. Несмотря на загруженность как научной работой, так и административными заботами (в бытность мою студентом А.Р. Иоаннисян занимал пост вице-президента АН АрмССР, а М.Г. Нерсиян – ректора ЕГУ), они не отказывали мне в консультациях, а подчас и в долгих беседах на научные темы.

В годы аспирантской подготовки в Институте всеобщей истории АН СССР в 1978–1980 гг. и позднее мне выпало счастье не только работать под руководством выдающегося советского историка В.М. Далина, но и долгие годы общаться со многими советскими историками с мировым именем, такими как академики В.Г. Трухановский, Н.Н. Болховитинов, А.О. Чубарьян, профессора М.А. Барг, Е.Б. Черняк, Г.С. Кучеренко, Н.Н. Молчанов, А.С. Кан и другие, весьма благосклонно ко мне расположенными и всячески помогавшими в ходе моей исследовательской работы.

К 1978 г. относятся первые мои научные связи со многими знаменитыми французскими историками. Неизгладимое впечатление произвели встречи с Альбером Собоулем, одним из крупнейших специалистов по истории Французской революции, с которым 5 июня 1978 г. в вестибюле гостиницы АН СССР меня познакомил мой старший друг и коллега И.М. Табагуа. С этим выдающимся историком и замечательным человеком, наделенным природой неотразимым личным обаянием, галантным и искренним, очень остроумным и душевным, но способным иногда и сердиться, я общался целую неделю во время его московского визита в ходе работы VIII конференции советских и французских историков. Сразу же после знакомства, узнав, что я только приступил к изучению политической истории Директории, он, едва получив ключи от гостиничного номера, пригласил меня к себе и стал подробно расспрашивать о моей работе, дабы выяснить, чем может мне помочь в дальнейшем. Вернувшись в Париж, он отправил мне объемистую книгу своего учителя Ж. Лефевра по истории Директории, которую сам незадолго до того подготовил к печати вместе с Ж.-Р. Сюратто¹. К сожалению, мне больше не суждено было увидеть этого незаурядного человека, несмотря на все его старания.

Мне посчастливилось неоднократно общаться и работать со многими другими знаменитостями в мировой науке, и в их числе – с «бессмертным» Ж. Дюби, членами Института Ж. Тюларом и П. Тубером, профессорами Ж. Ле Гоффом, Э. Леруа-Ладюри и др.

В первый раздел настоящей книги вошли статьи, посвященные выдающимся историкам и опубликованные в разное время в ведущих российских и французских научных изданиях². Некоторые из них переработаны и во многом дополнены. Центральное место занимают две статьи, посвященные В.М. Далину. Первая, в которой представлены основные вехи его жизненного пути и творчества, была написана по поручению руководства журнала «Новая и новейшая история» в 1988 г., а вторая – «Французского ежегодника» в 2002 г.

¹ *Lefebvre G. La France sous le Directoire. /dition intégrale du cours «Le Directoire» présenté par J.-R. Suratteau / uvant-propos d'A. Soboul. Paris, 1977.*

² См. комментарии к каждой статье.

В свете произошедших в современной российской науке позитивных перемен в изучении истории Французской революции, как и в равной степени воззрений самого автора за последние десятилетия, возникла необходимость не только расширить источниковую базу различных статей, но и осмыслить и критически обсудить некоторые интерпретации В.М. Далина по проблемам революционной эпохи и вклада французских историков XX столетия, в частности представителей школы «Анналов», под более широким углом зрения.

Будем откровенны: первоначальный вариант первой статьи о В.М. Далине в свое время не у всех вызвал однозначную положительную оценку, что было вполне закономерным. Ведь многие из моих старших коллег, долго работавших с В.М. Далиным, имели, по признанию Г.С. Чертковой, свой «образ Виктора Моисеевича». Но в то же время многие известные историки, такие как академики А. Л. Нарочницкий и Н.Н. Болховитинов, профессора А.В. Адо, В. А. Дунаевский, В.В. Согрин и другие, откликнулись положительно³.

Статьи, посвященные В.М. Далину и А.Р. Иоаннисяну, дополнены многочисленными и весьма интересными архивными документами, которые автор этих строк обнаружил в личных архивных фондах многих советских историков в Архиве Российской академии наук, в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки и в Национальном архиве Армении. Отметим также, что статьи об А.Р. Иоаннисяне и Г.С. Кучеренко, как и вторая статья о В.М. Далине, посвящены в основном раскрытию их образа как исследователей. В статьях объективно и беспристрастно воспроизведены портреты профессиональных историков. Я не сомневаюсь, что их методы работы, как и требования, в равной степени предъявляемые ими к самим себе и к своим ученикам, безусловно, будут поучительны для многих, в особенности для представителей молодого поколения историков.

Что же касается моих общений с советскими и зарубежными историками, не все в моей жизни сложилось гладко и безоблачно. Еще с третьего курса ЕГУ я лелеял мечту продолжить обучение в аспирантуре под руководством одного из крупнейших историков XX столетия – А.З. Манфреда. Однако волею судьбы мне было суждено лично общаться с ним лишь пять минут – 14 июля 1976 г. в секторе Новой истории капиталистических стран Европы Института всеобщей истории АН СССР. После разговора по-французски со мной, в то время еще студентом, А.З. Манфред выразил готовность руководить мной после поступления в аспирантуру, но его безвременная кончина не позволила осуществиться моей мечте. Отметим, что после моего ухода, по свидетельству Н.В. Емельяновой, он сказал обо мне: «Вот Вы увидите, он станет историком».

Таким образом, я был лишен возможности посвятить портрету Альберта Захаровича отдельную главу. Но его имя, пользовавшееся в международных научных кругах непререкаемым и вполне заслуженным авторитетом, часто встречается на страницах этой книги. В связи с этим небезынтересно отметить, что даже лидеры «третьего поколения» «Анналов» Э. Леруа-Ладюри и Ф. Фюре, долгие годы полемизировавшие с ним, категорически отвергавшие его марксистскую интерпретацию Французской революции, и, в частности, по свидетельству К. Мазорика, концепцию якобинской диктатуры⁴, о нем отзывались с глубочайшим уважением. В октябре 1989 г. я сопровождал Э. Леруа-Ладюри, в бытность его директором Национальной

³ См.: Письмо академика Н.Н. Болховитинова автору от 6 марта 1990 г. и копия отзыва В.А. Дунаевского на рукопись этой статьи от 22 мая 1988 г., написанного по поручению руководства журнала «Новая и новейшая история» // Личный архив В.А. Погосяна. А.В. Адо и В.В. Согрин высказали свои весьма положительные мнения на заседании редакционной коллегии журнала. Статья была рекомендована к печати и другим членом редакционной коллегии – А.Л. Нарочницким. В его письменном отзыве, зачитанном на заседании редакционной коллегии В.Д. Вознесенским, был высказан ряд возражений, часть которых я учел и был ему признателен. В личном же разговоре А.Л. Нарочницкий, как и до него В.В. Согрин, деликатно упрекнул меня в идеализации В.М. Далина. В представленной статье я учел и это замечание.

⁴ *Mazauric C. Albert Manfred et la controverse sur la Revolution française: notes de lecture(s)* // Россия и Франция: исторический опыт XVIII–XIX веков. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.З. Манфреда, 27–29 сентября 2006 г. М., 2008. С. 37–38.

библиотеки Франции, в библиотеку ИНИОНа. Во время его беседы с руководителями этой организации я упомянул имя А.З. Манфреда как историка, пользовавшегося во Франции большим признанием. Э. Леруа-Ладюри, мгновенно оторвав обе руки от письменного стола, тихим голосом почтительно сказал: «Манфред!» Когда же в феврале 1992 г. я спросил у Ф. Фюре, общался ли он лично с А.З. Манфредом, не раз сильно критиковавшим его воззрения, собеседник, утвердительно ответив на мой вопрос, добавил: «Я был еще молодым для Манфреда».

В отличие от А.З. Манфреда мне так и не довелось лично пообщаться с одним из крупнейших специалистов по истории Французской революции Жаком Годшо, моим кумиром во французской исторической науке, с которым я долгие годы находился в переписке и кого считаю одним из своих учителей наряду с А.З. Манфредом и В.М. Далиным. Поэтому статью о нем я написал главным образом сквозь призму своего личного восприятия его творчества.

В книге помещены также две статьи на русском и французском языках о научных связях и полемике одного из крупнейших французских историков, учителя Ж. Годшо, Альбера Матъеза с советскими историками. Статья, опубликованная в журнале «Исторические анналы Французской революции», дополненная и во многом отличающаяся от первой, была высоко оценена зарубежными историками⁵.

Во второй раздел настоящей книги включены опубликованные в России и во Франции важные архивные документы, проливающие свет на научное сотрудничество советских историков, а также на их связи с французскими коллегами. Мы, однако, предпочли не включать напечатанные в «Исторических анналах Французской революции» две публикации, касающиеся очень интересной переписки А. Собуля с Б.Ф. Поршневым и А.З. Манфредом⁶, поскольку они уже были переизданы в составленном нами сборнике «Корреспонденция Альбера Собуля с советскими историками»⁷. Некоторые же предисловия к публикуемым документам были немного дополнены.

В этот раздел мы предпочли включить и три весьма примечательных и неизданных документа об А.З. Манфреде, обнаруженных нами в его личном архиве, а также неопубликованную и интересную корреспонденцию Мориса Домманже с руководителями Института Маркса-Энгельса, в частности переписку с Д.Б. Рязановым в 1926/1932 гг., хранящуюся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Отметим, что при такой композиции некоторые мысли, разумеется, могут повторяться, за что приношу свои извинения, рассчитывая при этом на снисходительность читателя.

Как верно заметил А.В. Гордон, «история историописателей, история историков заслуживает не меньшего внимания, чем история событий, которые они описывали, и тех, что они переживали. История историков формируется на пересечении двух исследовательских направлений – биографического и историографического, создавая новый жанр, уже получивший в литературе название историографического портрета. Речь идет о создании портрета ученого в триединстве его жизненного пути, творчества и среды»⁸. Именно этому триединству автор данной книги следовал в пределах своих возможностей.

Считаю своим долгом выразить глубокую признательность моему другу и коллеге, главному редактору «Французского ежегодника», доктору исторических наук А.В. Чудинову за поддержку моей инициативы в подготовке к печати настоящей книги, за помощь своими мудрыми советами при подборе помещенных в ней материалов, а также за согласие стать научным

⁵ См.: Письма Флоранс Готье от 14 апреля 2017 г. и Джесси Райт, секретаря журнала «History Research», от 4 мая 2018 г. // Личный архив В.А. Погосяна.

⁶ Poghosyan V. La correspondance entre Boris Porchnev et Albert Soboul. Un témoignage de l'amitié entre historiens soviétiques et français // АНН. 2014. N 376. P. 163–177; *idem*. La correspondance d'Albert Soboul et d'Albert Manfred // Ibid. 2016. N 386. P. 145–174.

⁷ Poghosyan V. La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques. Saarbrücken, 2017.

⁸ Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб., 2018. С. 6.

редактором. Я весьма благодарен также моему коллеге, президенту Общества робеспьеристских исследований во Франции, бывшему главному редактору «Исторических анналов Французской революции», профессору университета Лилль Эрве Леверсу, редактировавшему часть помещенных в книге материалов и настаивавшему на необходимости ее издания.

Расширению моих знаний и научного кругозора в огромной степени способствовали многолетняя каждодневная работа под руководством некоторых выдающихся советских историков (в непосредственном окружении которых я провел свою молодость и благодаря помощи которых формировался как профессиональный историк-франковед), а также многолетнее общение и переписка со многими известными отечественными и зарубежными (в особенности с французскими) исследователями. Публикуя настоящую книгу, я воздаю им дань своего глубокого почтения, ко многим из них всецело относятся слова моего коллеги А.А. Егорова: «Со смертью крупного ученого, писателя, художника, философа, проще говоря – видного деятеля науки, литературы и искусства, его наследие продолжает жить, обеспечивая тем самым “бессмертие”à его автору»⁹.

⁹ Егоров А.А. Уильям Питт Младший. 1784–1806: решающие годы. Ростов/н Д.; Таганрог, 2017. С. 408.

Раздел I Статьи

Глава I Виктор Моисеевич Далин¹⁰

Всем, кто встречался с В.М. Далиным в последние годы его жизни, наверное, трудно представить его молодым – писавшим и распространявшим политические листовки или в глубоком подполье принимавшим участие в различных диверсионных актах против контр-революционных сил в Одессе. В их памяти он остался человеком преклонного возраста, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, человеком, который медленными шагами, чуть согнувшись, шел по коридору Института всеобщей истории АН СССР. Так же медленно он входил в двери комнаты № 28 – «Сектор Новой истории капиталистических стран Европы. Французский ежегодник». Здесь, вежливо поздоровавшись со всеми, он приступал к своим обычным занятиям. Готов ли к опубликованию очередной том «Французского ежегодника»? Просмотрели ли члены редколлегии намеченные к публикации статьи? Когда удобнее провести заседание группы по изучению истории Франции? На какой стадии работа того или иного аспиранта? Поступила ли почта? От кого корреспонденция? От Соболя? От Годшо? Неторопливо, дрожащими старческими руками он распечатывал конверты, сообщал содержание писем коллегам. В последние годы он все чаще обращался к своим ученикам с просьбой проводить его до стоянки такси: ему уже было трудно пользоваться городским транспортом.

А ведь было время, когда он, молодой, подвижный, темпераментный, полный сил, мчался по улицам родной Одессы из одной комсомольской ячейки в другую. Его фотография тех лет опубликована в книге «В двух подпольях»¹¹. С нее на нас смотрит юноша 16–17 лет, подтянутый, в галстуке, с короткой стрижкой, с глубокими, выразительными глазами, с вежливой, доброжелательной улыбкой. Все тогда еще только начиналось. Впереди был трудный путь.

Жизнь выдающегося советского историка, крупного знатока истории Франции, первого лауреата премии АН СССР имени академика В.П. Волгина¹² Виктора Моисеевича Далина (1902–1985) была неразрывно связана с Октябрьской революцией¹³ и революционной борьбой за сохранение ее завоеваний. «Моя юность – ровесница революции», – заявил он в беседе с корреспондентом газеты «Комсомольская правда»¹⁴. Делу революции, борьбе за торжество ее идей он отдал свою молодость, все силы и знания.

В.М. Далин родился 6 января 1902 г. в Одессе в семье торгового посредника¹⁵. Учился он в одной из местных гимназий, где приобрел не только разносторонние, глубокие знания, но и основательно выучил французский и немецкий языки, а также латынь. Но завершить образование в гимназии ему не удалось.

¹⁰ Первоначальный вариант опубликован в журнале НиНИ (1989. № 5. С. 174–188).

¹¹ В двух подпольях. Страницы из истории комсомола города Одессы времен гражданской войны. М., 1970.

¹² Эта высокая премия была присуждена ему в 1971 г. за книги «Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794)» (М., 1963) и «Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции» (М., 1970).

¹³ К слову, Д.А. Волкогонов характеризовал это событие государственным переворотом. См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 269, 294, 309, 314.

¹⁴ *Далин В.М.* Строили историю // Комсомольская правда. 1978. 12 марта.

¹⁵ АРАН. Ф. 425 (Аттестационная комиссия Коммунистической академии ЦИК СССР). Оп. 3. Д. 104. Л. 82.

После победы Октябрьской революции В.М. Далин принял деятельное участие в борьбе за установление советской власти на Украине. Как он сам отметил, «с 1917 г. искал работу в социалистическом союзе учащихся и социалистическом] союзе молодежи»¹⁶. В августе 1918 г. был арестован во время немецкой облавы в союзе игольщиков за революционную деятельность в Одессе. Лишь в ноябре, после вывода оккупационных войск с Украины и ноябрьской революции, его выпустили из тюрьмы. В это же время он был исключен из гимназии¹⁷.

Но испытания только начинались. В 1918 г. продолжалась интервенция против советского государства, шла гражданская война. Молодые защитники молодой страны Советов вели упорную, непримиримую борьбу с врагами революции. «После захвата Одессы в августе 1919 г. денikinцами, – вспоминал В.М. Далин, – мы снова ушли в глубокое подполье. Но мы верили, не унывали и боролись... Военный наш отряд вел диверсионную борьбу. Я, как довольно грамотный по тем временам, занимался агитационной работой, делал “Страницу красной молодежи” в нашей нелегальной газете “Одесский коммунист”»¹⁸. Очень рано В.М. Далин начал свою публицистическую деятельность. Его первая статья – «Молодежь и политическая борьба» – была опубликована в 1917 г. После публикации этой статьи, как он сам впоследствии признавал, «сила печатного слова произвела» на него «громадное впечатление, и, пожалуй, с того самого дня» в его жизни рядом с революцией шагала написанная им «политическая листовка, статья, впоследствии – книга»¹⁹.

Будучи до 1920 г. членом Губернского комитета Коммунистического союза молодежи в Одессе²⁰, он редактировал газету «Молодой рабочий», журнал «Юный коммунар», был членом редколлегии газеты «Известия Одесского Совета рабочих депутатов». В 1921 г., вступив в ряды РКП(б), В.М. Далин до 1924 г. вел работу в комсомоле, занимал на протяжении ряда лет ответственные посты в различных партийных организациях. В 1920–1921 гг. он работал в Москве, в ЦК РКСМ, был членом коллегии отдела социалистического образования. В 1921–1922 гг. находился на Украине, в Харькове, был членом ЦК Коммунистического Союза Молодежи Украины и заведующим отделом печати, на III и IV Всеукраинских съездах комсомола избирался членом ЦК КСМУ. Осенью же 1922 г. он снова был в Москве, где на V Всероссийском съезде комсомола был избран членом ЦК РКСМ и заведующим политико-просветительным отделом ЦК²¹. В то время ему было всего 20 лет!

В.М. Далин присутствовал на партийных съездах, на конгрессах Коминтерна, на I Всесоюзном съезде Советов: «Я слушал выступления Ленина, лидеров партии и Коминтерна, был свидетелем важнейших событий политической жизни страны. К. Цеткин, Э. Тельман, А. Грамши, П. Тольятти, Д. Сератти, М. Кашен и М. Торез были для меня живыми людьми, которых я видел и знал, а не хрестоматийными фигурами»²². Глубокое впечатление на молодого В.М. Далина произвели выступления Ленина на VIII Всероссийском съезде Советов²³.

В.М. Далин лично общался с Н.К. Крупской, К.Б. Радеком, Б. Куном и многими другими руководителями партии и международного рабочего движения. Как член ЦК ВЛКСМ в январе 1924 г. вместе с другими вожаками комсомола он стоял в почетном карауле у гроба Ленина в Колонном зале, что было в то время высокой честью²⁴. Годы революционной борьбы, партийной работы, встречи с вождями и выдающимися деятелями мирового революционного

¹⁶ Далин В. Краткая биография // АРАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 72. Л. 3.

¹⁷ См. об этом: Там же; Далин В. Цугом, по одному // В двух подпольях. С. 30–37.

¹⁸ Далин В.М. Строили историю.

¹⁹ Там же.

²⁰ Далин В. Краткая биография.

²¹ Там же.

²² Далин В.М. Полвека изучения истории Франции // Далин В.М. Из истории социальной мысли во Франции. М., 1984. С. 3.

²³ Далин В.М. Строили историю.

²⁴ Сведения нам переданы ныне покойным сыном В.М. Далина – доктором медицинских наук М.В. Далиным.

движения оказали сильное воздействие на формирование коммунистического мировоззрения В.М. Далина.

И вот в 1924 г., когда «страна училась, и острая нужда была в людях, умеющих учить и имеющих коммунистическое мировоззрение»²⁵, его направили на учебу в ИКП. Он поступил на двухгодичное подготовительное отделение, имевшее к тому времени три отделения: философское, экономическое и историческое, последнее состояло из двух секций – отечественной истории и истории Запада²⁶. Приступив к изучению истории России начала XX столетия, он намеревался и впредь продолжать изыскания в этой области²⁷. «Обратившись за советом к И.И. Минцу, я был в полной уверенности, что он поддержит мое намерение. Но он воспротивился этому. Как декан факультета он исходил из кадровых соображений: среди слушателей тогда почти не было людей, владевших иностранными языками, а я мог более или менее свободно пользоваться литературой на немецком и французском языках»²⁸. Итак, по совету И.И. Минца В.М. Далин в 1926 г. стал слушателем секции истории Запада ИКП и приступил к углубленному изучению новой истории Франции. Он всегда с чувством глубочайшей благодарности упоминал имя И.И. Минца, рекомендовавшего ему заниматься историей Франции.

По свидетельству А.З. Манфреда, Е.В. Тарле утверждал, что «в двух областях для мужчин ошибки недопустимы – в выборе профессии и в выборе жены»²⁹. В этой связи сразу же отметим, что В.М. Далин в обеих «областях» не ошибся, ибо его покойная супруга С.М. Айзенштадт была верным другом и надежной опорой «в светлые и тяжелые дни» его жизни³⁰.

Но вернемся к ИКП, где обучение проходило в не совсем обычной для нас форме. «Институт красной профессуры, – писал В.М. Далин, – был совершенно своеобразным учебным заведением, главным центром по подготовке марксистских кадров высшей квалификации... В Институт в 20-х годах приходили люди, имевшие значительный опыт партийной работы, обладавшие вкусом и навыками к самостоятельной научно-исследовательской, теоретической деятельности. Лекций в ИКП не было. На каждом году обучения (курс был четырехгодичный) слушатель ИКП занимался в одном или двух семинарах, которыми руководили виднейшие ученые – М.Н. Покровский, В.П. Волгин, Н.М. Лукин, Е.В. Тарле, А.М. Деборин, Е.А. Косминский и др. В течение года слушатель должен был представить 1–2 доклада и выступить не меньше двух раз при обсуждении других докладов»³¹.

Как отметил И.С. Галкин в своих воспоминаниях, «в 30-е годы складывалось, формировалось и зрело поколение историков, моих сверстников: это В.М. Хвостов, А.З. Манфред, Б.Ф. Поршнев и другие историки-“западники”, как нас тогда именовали. Все мы прошли школу М.Н. Покровского, Н.М. Лукина, В.П. Волгина, Е.А. Косминского, Ф.А. Ротштейна. Влияние их на научное развитие и на стиль поведения своих питомцев – учеников невозможно переоценить. Наши учителя пользовались нашими неизменным уважением и любовью. Они умели отбирать молодых в науку и поддерживали их. Подготовка историков в 1920-х – начале 1930-х

²⁵ Далин В.М. Строили историю.

²⁶ Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917–1941. М., 1974. С. 328.

²⁷ К этому времени относится дополненное переиздание составленного им в соавторстве с А. Кировым сборника материалов «Юношеское движение в России» (М.; Л., 1925). Опубликованные в нем материалы (статьи работников партии, резолюции съездов партии, воспоминания участников революционного движения) проливают свет на состояние юношеского движения в начале XX столетия и участие молодежи в первых боях за власть Советов после 1917 г. Отметим, что под его редакцией был опубликован также сборник статей по той же тематике. См.: Далин В., Игнат С. Дискуссии в комсомоле. По основным вопросам юношеского движения. М.; Л., 1926.

²⁸ Далин В.М. Полвека изучения истории Франции. С. 4.

²⁹ Манфред А.З. Талант историка. (К 100-летию со дня рождения академика Е.В. Тарле) // Комсомольская правда. 1975. 12 ноября.

³⁰ Далин В.М. Полвека изучения истории Франции. С. 32.

³¹ Далин В.М. С.С. Бантке-историк // Памяти С.С. Бантке. (Из истории революционного движения в Бессарабии). Кишинев, 1970. С. 58–59. См. также: Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки 1981. М., 1985. С. 258–273.

годов была не массовой, а индивидуальной»³². Среди них был и В.М. Далин, который за годы обучения в ИКП (1924–1930)³³, ставшим для него своего рода *alma mater*, по собственному же признанию, «работал в семинарах М.Н. Покровского, Н.М. Лукина и Е.А. Косминского»³⁴. Тем не менее свое внимание начинающий исследователь сосредоточил на двух семинарах – по историографии Французской революции XVIII столетия и по истории социалистического движения во Франции после Парижской Коммуны, определивших главные направления его творческого пути.

Первая его научная статья, посвященная роли историков «русской школы» в изучении экономической истории Франции XVIII в., носила острый полемический характер³⁵. Она была подготовлена на семинаре Н.М. Лукина по историографии Французской революции, на котором рассматривался широкий круг историографических проблем, начиная от историков эпохи Реставрации и кончая новейшими исследователями³⁶. На эту же тему В.М. Далин выступил на заседании секции Запада Общества историков-марксистов. Р.А. Авербух вспоминала: «Этот доклад вызвал оживленные прения. В заключительном выступлении Н.М. Лукин дал анализ доклада, указав большое значение этой новой постановки вопроса»³⁷. В чем же она заключалась?

Историки «русской школы» отрицали капиталистический характер французской промышленности накануне Революции. Применяя ленинскую методологию изучения мануфактурной стадии капитализма в России, рассеянной мануфактуры в частности, В.М. Далин доказал господство мануфактурного строя, основанного на новом типе разделения труда, «почти во всех отраслях промышленности, ввозивших сырье и вывозивших готовый фабрикат. Технический уровень французской промышленности соответствовал не “младенческому состоянию”, а мануфактурной стадии. Основным процессом здесь было усиление роли централизованной мануфактуры»³⁸, – писал он. Отметим, что и в дальнейшем он обращался к вопросу о переходе к мануфактурной стадии во французской экономике. Опираясь на данные новейших исследований, он констатировал, что этот переход во Франции происходил уже в XVI в.³⁹

Одним из направлений научной деятельности В.М. Далина уже в те годы стало исследование истории Французской революции. До середины 1930-х гг. он периодически обращался к революционной эпохе, тщательно изучал взгляды основоположников марксизма-ленинизма на бурные события конца далекого XVIII столетия⁴⁰. А.Р. Лагно имела все основания охарактеризовать выпускника ИКП В.М. Далина как представителя «первого поколения советских историков Французской революции»⁴¹. Но его основные научные интересы тогда были сосредоточены на проблемах истории французского социалистического движения. К углубленному изучению истории Французской революции он вернется позднее, в середине 1950-х гг.

Историей французского социалистического движения В.М. Далин увлекся на занятиях в семинаре Н.М. Лукина, который он вел в ИКП с 1928 г. Здесь же В.М. Далин познакомился с

³² Галкин И.С. Записки ректора Московского университета. Воспоминания. М., 2004. С. 96.

³³ АРАН. Ф. 350 (Коммунистическая академия при ЦИК СССР). Оп. 3. Д. 104. Л. 65.

³⁴ Далин В. Краткая биография.

³⁵ Далин В.М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении «русской школы» // ИМ. 1929. № 14. С. 68–116 (перепечатано в: Далин В.М. Люди и идеи. С. 294–343).

³⁶ Дунаевский В.А., Цфасман А.Б. Николай Михайлович Лукин. М., 1987. С. 117.

³⁷ Авербух Р.А. Н.М. Лукин – организатор подготовки советских историков // Европа в новое и новейшее время: Сборник статей в память академика Н.М. Лукина. М., 1966. С. 56–57.

³⁸ Далин В.М. Люди и идеи. С. 321–322. В начале 1960-х годов В.М. Далин, вновь обращаясь к этой проблеме, на примере экономического развития Пикардии, подтвердил свои выводы о господстве капиталистической мануфактуры во французской промышленности накануне революции. См.: Далин В.М. Грахх Бабеф... С. 75–92.

³⁹ Далин В.М. XVI век в экономической истории Франции // ИМ. 1933. № 2 (30). С. 177–183.

⁴⁰ Далин В.М. Письмо Ф. Энгельса о Великой французской революции // Там же. С. 47–60.

⁴¹ Лагно А.Р. Вячеслав Петрович Волгин. М., 2012. С. 111.

А.З. Манфредом. Около полувека продолжилась дружба и сотрудничество этих двух крупнейших специалистов по истории Франции. А.З. Манфред впоследствии вспоминал: «То был объединенный семинар Института красной профессуры и РАНИОНа, объявленный осенью 1928 г. Семинар был небольшим: в него входили С.С. Бантке, В.М. Далин, А.В. Ефимов, Э.А. Желубовская, С.В. Захаров, А.З. Манфред, Т.В. Милицина, Е.С. Николаев – всего восемь участников»⁴². В.М. Далин исследовал тему «Объединенная социалистическая партия (1905-1914 гг.)».

Глубокому осмыслению и изучению французского социалистического движения во многом способствовала восьмимесячная научная командировка В.М. Далина во Францию в 1929–1930 гг., куда он был направлен по решению Ученого совета ИКП вместе с Е.С. Николаевым и С.С. Бантке, который и возглавил эту маленькую группу. Отметим, что его коллега Я.В. Старосельский в 1928 г. был в Париже в научной командировке на довольно короткий срок, что и заставило его высказать свою крайнюю «неудовлетворительность результатами поездки»: «Опыт этой поездки показал крайнюю нецелесообразность посылок в Париж на 2 месяца (ибо денег, отпущенных на 3 месяца, хватает на 2 только при максимальном сокращении потребностей). При условии 8-9-часового рабочего дня в библиотеке и архиве двух месяцев оказалось недостаточно даже для общей ориентировки в теме. Польза от такой командировки (если об этом можно говорить как о пользе) это скорее ориентировка в Париже, во французских профессорах и архивариусах»⁴³.

В отличие от него в Париже В.М. Далин провел плодотворные изыскания в Национальной библиотеке и, уезжая из Франции, «вез с собой не только большой чемодан материалов о социалистической партии, но и 15 томов ежегодной статистики стачек»⁴⁴. На основе изучения богатого фактического материала, главным образом рабочей и социалистической прессы, он написал ряд статей по истории социалистического движения⁴⁵. Ключевые идеи он развил в монографии «Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции».

В.М. Далин доказал, что в социалистической партии в то время не было левого крыла, вокруг которого могли бы сплотиться революционные силы французского пролетариата⁴⁶. К слову, Н.М. Лукин выразил весьма положительное мнение об одной из частей этой книги в своем недатированном отзыве: «Работа, представленная т. Далиным, является второй частью его монографии “Массовое рабочее движение в довоенной Франции”, начало которой помещено в сборнике по “Истории социалистических] движений во Франции”⁴⁷. Работа (в размере 11,5 печ[атных] листов и ряд статистических таблиц по стачечному движению во Франции) основана на значительном материале (протоколы документов, парижская пресса и т. д.), политически выдержана, представляет большой интерес и ценность в научном отношении. После некоторых небольших исправлений может пойти в печать»⁴⁸.

По просьбе деятелей Французской коммунистической партии В.М. Далин написал также учебник по истории рабочего движения во Франции от Коммуны до Первой мировой войны, который был опубликован в Париже под псевдонимом Ж. Видаль⁴⁹. Ж. Коньо впоследствии

⁴² Манфред А.З. Николай Михайлович Лукин // Европа в новое и новейшее время. С. 16. См. также: *Он же*. С.С. Бантке (по личным воспоминаниям) // Памяти С.С. Бантке. С. 71–73.

⁴³ «Отчет о заграничной командировке научн[ого] сотр[удника] Старосельского Я.В.» // АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 231. Л. 57.

⁴⁴ Далин В.М. Полвека изучения истории Франции. С. 8.

⁴⁵ См., например: Далин В. К вопросу об оппортунистическом перерождении гедизма. (Гедисты Севера и синдикаты) // Социалистическое движение во Франции. М., 1934. С. 213–288; *Он же*. Из истории французской социалистической партии в 1912–1918 годах. (К изучению локальной истории французского социалистического движения) // ИМ. 1935. № 12 (25). С. 26–37.

⁴⁶ Далин В. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М., 1935. С. 176, 197 и др.

⁴⁷ См.: Далин В. К вопросу об оппортунистическом перерождении гедизма.

⁴⁸ Лукин Н.М. Отзыв о работе т. Далина // АРАН. Ф. 359 (Институт истории Коммунистической академии при ЦИК СССР). Оп. 2. Д. 157. Л. 3.

⁴⁹ Vidal J. Le mouvement socialiste français de la Commune à la guerre mondiale. Paris, 1934.

отмечал, что эта книга послужила для представителей его поколения «первым пособием по политграмоте»⁵⁰. Высокая оценка книге дана К. Вилларом, крупнейшим специалистом по истории французского рабочего движения, расценивавшим ее как «самое интересное марксистское исследование по истории социализма и рабочего движения этого периода, опубликованное во Франции до Второй мировой войны»⁵¹.

В 1920–1930-е гг. в СССР первоочередной стала задача создания новых школьных учебников. Еще в 1928 г. совместно с М.С. Зорким и В.Н. Рахметовым В.М. Далин написал учебник для крестьянской молодежи, охватывающий период от средневековья до современности и явившийся одним из первых марксистских пособий⁵².

Совместно с Н.М. Лукиным В.М. Далин подготовил и отредактировал сборник документов и материалов по новой истории, вышедший тремя изданиями⁵³ и переведенный на украинский, белорусский, армянский языки⁵⁴ и сохранивший свое значение по сей день. Он был также одним из соавторов учебника по новой истории для средней школы, написанного на основе марксистско-ленинской периодизации всеобщей истории. Макет был опубликован в 1935 г.⁵⁵ В состав авторского коллектива этого издания он был введен по решению ЦК ВКП(б) и Совнаркома⁵⁶. Но этот учебник так и не увидел свет, так как в 1936–1938 гг. трое из его авторов (Г.С. Фридлянд, В.М. Далин и Н.М. Лукин) были арестованы. Отметим также, что в середине 1930-х гг. В.М. Далин часто писал отзывы на рукописные работы своих коллег⁵⁷.

К этому времени относится начало преподавательской деятельности В.М. Далина, приступившего к этой работе еще в годы обучения в ИКП. В 1924–1925 гг. он вел педагогическую работу в Институте Либкнехта, в 1926–1928 гг. – в Политическом Просветительном Институте, в 1928–1929 гг. – в Коммунистическом университете Я.М. Свердлова, готовившего партийных работников, а также в университете Комакадемии, в 1930–1932 гг. – в Институте подготовки кадров. В 1931–1932 гг. как доцент по истории Запада, он преподавал новую историю на подготовительном отделении ИКП⁵⁸. Позднее работал также в Международной ленинской школе, где вел курсы по истории рабочего движения.

С 1 апреля 1932 г. В.М. Далин работал в Научно-исследовательском институте истории Коммунистической академии заместителем руководителя группы по новой истории⁵⁹. Как отметили руководители этой организации директор Н.М. Лукин, партком

А. Медведева и местком Шапиро, он «в Институте истории ведет активную общественную и партийную работу, руководит кружком по изучению истории ВКП(б). Треугольник Ин[ститу]та поддерживает представление Дирекции о присуждении т. Далину звания действительного члена Ин[ститу]та и степени доктора исторических наук без защиты диссертации»⁶⁰.

⁵⁰ Коньо Ж. Избранный путь. М., 1980. С. 288.

⁵¹ Willard C. Le mouvement socialiste en France (1893–1905). Les guesdistes. Paris, 1965. P. 738.

⁵² Далин В.М., Зоркий М.С., Рахметов В.Н. Рабочая книга по истории для I, II, III годов обучения школ крестьянской молодежи. М.; Л., 1928.

⁵³ Новая история в документах и материалах. 2-е изд. Вып. 1–2. М., 1934; 3-е изд. М., 1935. Первое издание было опубликовано под заглавием «Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах» (М., 1933).

⁵⁴ Эти переводы были опубликованы в Киеве (1935), Минске (1936) и Ереване (1937).

⁵⁵ Далин В.М., Ефимов А.В., Лукин Н.М., Фридлянд Г.С. Учебник новой истории (для средней школы). Ч. I. 1789–1870 гг. М., 1935. (Макет); Далин В.М., Ефимов А.В., Лукин Н.М., Фридлянд Г.С. Учебник новой истории. Для средней школы. Ч. III. Эпоха пролетарских революций и общего кризиса капитализма. 1918–1935 гг. М., 1935. (Макет).

⁵⁶ См.: Далин В. Краткая биография.

⁵⁷ См., например, его объективные отзывы на работы С.Д. Сказкина, Т.В. Милициной, Х.Г. Лурье // АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 208. Л. 7-15; Д. 280. Л. 3–4, 7-10.

⁵⁸ См.: «Личный листок по учету кадров» В.М. Далина, составленный 28 мая 1932 г. // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 290. Л. 9–9 об.

⁵⁹ См.: Далин В. Краткая биография // АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 104. Л. 65, 82.

⁶⁰ Документ этот, не имеющий заглавия, составлен, по всей вероятности, в 1936 г., так как там отмечено, что В.М. Далин «принимал активное участие в написании учебника “Новой истории”, являясь одним из соавторов». См.: АРАН. Ф. 425. Оп.

С середины же 1930-х гг. В.М. Далин вошел в состав преподавателей кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, где в 1934–1936 гг. занимал должность заместителя заведующего кафедрой. Тому были объективные причины. Как отметил М.Б. Рабинович, «историческая наука в СССР была в 1934 г, так сказать, реабилитирована. Преподавание истории, до того фактически ликвидированное, вновь ожило. Как обычно, произошло это по указанию свыше. Появилось известное постановление (“О преподавании гражданской истории в школе”), подписанное И.В. Сталиным, С.М. Кировым и А.А. Ждановым, в котором говорилось о необходимости распространения знания истории, как отечественной, так и зарубежной. При Московском и Ленинградском университетах восстановились исторические факультеты, в свое время “за ненадобностью” упраздненные, были собраны профессора, преподаватели»⁶¹. В МГУ профессор Далин (это звание ему было присвоено в 1936 г.) читал лекции по истории революции 1848 г. во Франции⁶².

В те годы В.М. Далин был уже известным историком, специалистом не только по истории Французской революции. Как представитель своего поколения, он хороший знаток работ классиков марксизма-ленинизма, в 1930-х гг. состоял в рядах штатных научных сотрудников Института Маркса-Энгельса-Ленина⁶³. В.В. Адоратский, директор этой научной организации, 29 мая 1934 г. написал большое письмо И.В. Сталину, в котором высказал свое видение расстановки кадров. Как отметил В.Г. Мосолов, «здесь просьбы выделить заведующего] Сектором Маркса и Энгельса, работников для подготовки экономических работ Маркса... для работы над историческими произведениями Маркса и Энгельса – Далина, Степанову. Зайделя и Кирпотина»⁶⁴.

Поскольку в те годы В.М. Далин был членом редакционной коллегии «Борьбы классов», в декабре 1931 г. А.М. Панкратова выступила с предложением о его назначении вместо нее ответственным секретарем этого журнала. Обращаясь ко всем членам редакционной коллегии, она написала: «Освободить меня от работы в качестве ответственного секретаря, ибо при теперешнем моем положении и состоянии моего здоровья я фактически не в силах буду вести эту работу. Вместо меня отв[етственным] секретарем всего лучше посадить тов[арища] Далина (как и было согласовано с Лазарем Моисеевичем Кагановичем в моей личной беседе с ним после моего назначения)...»⁶⁵ Однако на эту должность он не был назначен.

Тем не менее в эти годы В.М. Далин занимался сугубо научной деятельностью. Поэтому в сентябре 1936 г. А.М. Панкратова обратилась к М.В. Нечкиной с просьбой «взять на себя руководство группой по учебникам. Далин для этого совершенно не подходит и отказывается вести группу в целом»⁶⁶.

Хотя я упомянул не все основные работы, осуществленные

В.М. Далиным на начальной стадии его научной деятельности⁶⁷, но и этого вполне достаточно, чтобы убедиться, как многое молодой энтузиаст, бесповоротно порвавший, к счастью, с партийной и административной работой, успел сделать за эти годы, успешно и плодотворно

2. Д. 72. Л. 5.

⁶¹ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 136.

⁶² Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 330, 337–338; Галкин И.С. Н.М. Лукин – революционер, ученый. М., 1984. С. 190.

⁶³ Об этом см.: «Аттестационная комиссия при президиуме Коммунистической академии. Ученая карточка соискателя ученой степени и звания». Этот документ составлен 21 декабря 1935 г. Н.М. Лукиным, А. Медведевой и Шапиро. См.: АРАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 72. Л. 2–2 об.

⁶⁴ Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. М., 2010. С. 231.

⁶⁵ Историк и время. 20-е – 50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 203. См. также: «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография / под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011. С. 665.

⁶⁶ «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. С. 655–656.

⁶⁷ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902–1985) и литература о нем / сост. В.А. Погосян // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина. (К 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 70–72.

испытывая свои творческие силы как в области глубокого изучения новой истории Франции, так и на ниве педагогической деятельности.

Тем не менее В.М. Далин оставался представителем своего поколения. Как он сам признавал, для них «годы борьбы были прежде всего радостными, светлыми, исполненными мечтами, надеждами, смелой уверенностью в осуществлении самых дерзновенных планов»⁶⁸. Несомненно, он жил и трудился, полностью охваченный романтическими идеями, выдвинутыми творцами социалистической революции. Как историк – он был воодушевлен новой, марксистской методологией, установившей свое повластное господство в советской исторической науке и отрицавшей право на существование других методологических подходов. Л.В. Иванова по-праву причислила

В. М. Далина к тем выпускникам ИКП, которые составили «ядро советских историков-марксистов»⁶⁹. Как отметил Д.А. Волкогонов, в те годы «очень многие верили в ослепительную святость вождя большевиков. Все были загипнотизированы греховным величием Ленина. Юные ленинцы и ленинский комсомол, как, естественно, и ленинская партия, все оказались в плену великого жреца»⁷⁰.

Вот поэтому в создавшихся в СССР условиях В.М. Далин ничем не уступал другим историкам-марксистам в своем пренебрежительном отношении к «буржуазной» исторической науке и ее «служителям» как в России, так и за рубежом. Д.А. Волкогонов верно заметил: «Ленин превратил Россию в экспериментальное поле Истории, создавая новое общество. Пожалуй, главное, что характеризует это новое общество, – одномерность. Все бесконечное многообразие социальной и духовной жизни, многострунность культуры, исторических традиций, творческих потенций миллионов людей было сведено к жесткой, однозначной, бескомпромиссной идеологической парадигме ленинизма. Именно она предписывала Системе как новое откровение монополию на власть, *мысль* [курсив наш. – В. П.], новые “ценности”»⁷¹.

Анализ работ и выступлений самого В.М. Далина того периода наглядно показывает, что некоторым из них были полностью присущи те же негативные черты, что и трудам других его коллег. Сегодня самое беглое ознакомление с его выступлениями той поры не оставляет и тени сомнения, что их автор, как и все без исключения представители советской марксистской школы, проявлял прямолинейность, излишнюю категоричность в суждениях, ничем не обоснованную и далеко не всегда оправданную нетерпимость к немарксистской исторической мысли и к малейшим отклонениям от марксистской интерпретации, подчас неоправданную суровость по отношению к «буржуазным» историкам⁷². Эти его работы у представителей молодого поколения историков наших дней могут вызвать изумление, но все это было порождением той эйфории, в которой по воле роковых обстоятельств оказалось целое поколение советских исследователей. Совершенно права Л.В. Иванова, отметившая, что «историческая заслуга Института красной профессуры состоит в том, что он воспитал новый тип советского специалиста, в котором органически сочетались черты активного борца с буржуазной идеологией и качества ученого-марксиста»⁷³.

В середине 1930-х гг. В.М. Далин был полон новых творческих замыслов, но обусловленные советской действительностью крутые повороты не позволили ему, несмотря на поддержку руководителей научно-исследовательского Института истории Коммунистической академии, получить диплом доктора исторических наук. Во второй половине 1930-х гг. жертвами ста-

⁶⁸ Далин В.М. Строили историю.

⁶⁹ Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.). М., 1968. С. 143.

⁷⁰ Волкогонов Д.А. Указ. соч. Кн. 2. М., 1997. С. 133.

⁷¹ Там же. С. 129.

⁷² См. об этом подробнее в главе II.

⁷³ Иванова Л.В. Указ. соч. С. 141.

линских репрессий стали миллионы ни в чем не повинных советских граждан; тяжелые потери понесла и советская историческая наука. Среди исследователей, изучавших историю Франции, были репрессированы Г.С. Фридлянд, С.С. Бантке, Е.С. Николаев, С.А. Лотте, Я.В. Старосельский, Я.М. Захер, В.М. Далин. В 1938 г. этот мрачный список дополнила фамилия Н.М. Лукина⁷⁴. Как отметил В.А. Куманев, «в конце 30-х годов “разгромленная” так называемая школа Покровского именовалась уже как “банда шпионов и диверсантов, агентов и лазутчиков мирового империализма, заговорщиков и убийц”. Таким образом, профессия историка становилась просто опасной [курсив наш. – В. П.]»⁷⁵. С 1 января 1936 г. по 1 июня 1938 г. дирекция ИМЭЛ освободила от работы 95 человек, 30 из них впоследствии были «разоблачены» как враги народа и арестованы⁷⁶.

Среди них был и В.М. Далин, которого арестовали в сентябре 1936 г.⁷⁷, после чего его фамилия исчезла из состава редакционной коллегии журнала «Историк-марксист», членом которой он был с 1935 г., а потом на долгие годы перестала появляться на страницах исторических журналов⁷⁸. На титульном листе хранившейся в различных библиотеках Москвы книги «Новая история в документах и материалах» фамилии составителей были покрыты густой полоской чернил. Далин-историк надолго перестал существовать, его научная деятельность была прервана.

Безжалостные волны повального террора поглотили, естественно, и цвет советской интеллигенции. По мнению В.А. Куманева, «общую цифру загубленных ученых-историков предстоит еще установить. Однако известно, что две трети специалистов из 200 выпущенных Институтом красной профессуры были репрессированы. Почти все – ученики академиков М.Н. Покровского и Н.М. Лукина»⁷⁹. В.М. Далину, в отличие от арестованного по смехотворной причине А.З. Манфреда⁸⁰, не удалось избежать незаконного осуждения, и по решению суда он был сослан в один из сталинских лагерей под Владивостоком, а затем был переведен в Магадан⁸¹.

В конце 1947 г., выйдя из заключения по первому сроку, В.М. Далин получил разрешение жить на 101-м километре от Москвы в городе Александрове Владимирской области. Несколько позже ему было позволено занять должность профессора на кафедре всеобщей истории Ярославского педагогического института, но ненадолго. В начале 1949 г. его повторно арестовали⁸²

⁷⁴ Н.М. Лукин скончался в тюрьме 16 июля 1940 г., так что его не расстреляли, как это было неверно отмечено одним из наших отечественных предшественников. См.: *Сироткин В.* Наполеон и Россия. М., 2000. С. 333.

⁷⁵ *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 83.

⁷⁶ *Мосолов В.Г.* Указ. соч. С. 328.

⁷⁷ *Далин М.В.* Посильный комментарий к некоторым событиям жизни Виктора Моисеевича Далина // ФЕ – 2002. Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902–1985). М., 2002. С. 31. 9 сентября 1979 г. А.В. Адо, находившийся в те дни вместе с В.М. Далиным в санатории АН СССР «Узкое», записал в своем дневнике: «Из разговоров на днях с В[иктором] Моисеевичем – он был взят в 1936 г., раньше Лукина, и Ник[олай] Мих[айлович], как рассказывала Софья Моис[еевна], жена В[иктора] М[оисеевича], на след[ующий] день несколько раз звонил, упорно добив[аясь] В[иктора] М[оисеевича], а она могла лишь повторять – “его нет дома”, “его нет в Москве”». Цит. по: *Бовыкин Д.Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007. С. 77. Ф.А. Молок ошибся, отметив, что В.М. Далин был репрессирован в 1937 г. См.: *Молок Ф.А.* Далин Виктор Моисеевич // *Чернобаев А.А.* Историки России XX века: Библиографический словарь. Т 1: А-Л. Саратов, 2005. С. 260.

⁷⁸ Лишь однажды в «Историке-марксисте» была опубликована рецензия на второе издание его книги, вышедшей в Париже под псевдонимом Ж. Видаль. Действительная фамилия автора книги оставалась неизвестной. См.: ИМ. 1939. № 5/6. С. 271.

⁷⁹ См.: *Куманев В.А.* Указ. соч. С. 82.

⁸⁰ См.: *Борисов Ю.В.* Альберт Захарович Манфред // Портреты историков. Время и судьбы. Т 2. Всеобщая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000. С. 404.

⁸¹ *Далин М.В.* «Запечатленные моменты» из жизни В.М. Далина – пламенного революционера и трепетного поклонника музыки Клио // Исторические этюды Французской революции. С. 29–30. О причинах его ареста см. в главе II.

⁸² Сведения нам переданы М.В. Далиным. Из дневника А.В. Адо: «Вторично В[иктор] Моис[еевич] был взят в Ярославле, где нес[колько] мес[яцев] в 1948 г. препод[авал] в Пединст[итуте]; его взяли на улице по дороге на лекцию». Цит. по: *Бовыкин Д.Ю.* Указ. соч. С. 77.

и сослали на этот раз в Печору, а затем в Инту⁸³. В связи с политикой сталинского режима по отношению к политзаключенным в 1940-х гг. А. Некрич по праву отметил: «В 1947 году истек 10-летний срок тюремного или лагерного заключения для многих осужденных в 1937 году. И их начали выпускать. Неожиданно отворялась дверь дома, и входили отцы, братья, жены, сестры, кого и ждать уже перестали. Ведь они были “врагами народа”. Многие молчали о тех страшных муках, которые им пришлось пережить: кто боялся, а кто просто не хотел вспоминать, старался поскорее выбросить из памяти, вновь вернуться к жизни... Но очень скоро отбывших срок начали вновь арестовывать и отправлять назад, на этот раз уже навечно. “Ошибка”, допущенная властями, была ими же исправлена»⁸⁴. В таких условиях В.М. Далин не смог бы составить исключения.

В.М. Далин не был пригоден к тем работам, которые предназначались для политзаключенных⁸⁵. Оторванный от семьи, от коллег, от друзей, лишенный возможности читать и писать (писать! Впрочем, ему предоставлялось право, как он говорил, несколько раз в году писать письма членам семьи), В.М. Далин даже в таких условиях не пал духом. Бывший сотрудник Института истории АН АрмССР, ныне покойный Г.Г. Мелконян, разделивший в те годы его горькую участь, рассказывал мне, с каким воодушевлением В.М. Далин читал на французском языке лекции по французской истории для тех, кто находился рядом с ним. К большому несчастью, я упустил редчайшую возможность получить сведения о его пребывании в ссылке, ибо не мог предвидеть столь неожиданную и безвременную кончину моего старшего коллеги, последовавшую в 1982 г.

Так медленно проходили годы. То были годы небытия, наполненные тревогами, томительными ожиданиями, волнениями, надеждами. В.М. Далин провел в ГУЛАГе 17 лет, так что утверждение одного из наших историков о том, что, кроме М.М. Цвибака, Г.С. Зайделя и Н.М. Лукина, все «остальные “марксисты” по 10–15 лет проведут в ГУЛАГе»⁸⁶, не соответствует действительности. В целом, как верно заметил А. Некрич, В.М. Далин и С. М. Дубровский «чудом уцелели»⁸⁷. Лишь в 1954 г. его реабилитировали, восстановили в рядах коммунистической партии, после чего он получил возможность вернуться в науку. Какую негибкую силу воли, какое огромное чувство ответственности перед избранной профессией надо было иметь, чтобы после всего пережитого вновь вернуться к научной деятельности!

* * *

Творческий путь В.М. Далина расколот на два периода. До середины 1930-х гг. он, как и его советские сверстники, уделял больше внимания овладению марксистско-ленинской методологией, что было полностью созвучно с насущными требованиями времени, ставя перед собой «более широкие задачи» и стараясь на основе опубликованных источников «определить характер французской промышленности XVIII в. или всего французского рабочего движения начала XX в.»⁸⁸. Главная же особенность его творчества последних десятилетий заключалась

⁸³ Во время своего кратковременного пребывания на воле он составил комментарии к русскому переводу книги Буонарроти (*Далин В.М.* Полвека изучения истории Франции. С. 9). Однако его фамилия была указана лишь на втором издании этой книги. См.: *Буонарроти Ф.* Заговор во имя равенства. Т 1–2. М., 1948. 2-е изд. М., 1963. Он опубликовал также одну рецензию под псевдонимом И. Мохов. См.: *Мохов И.* Из истории русских первопроходцев. (Рец. на кн.: *Самойлов В.А.* Семен Дежнев и его время. М., 1945 // Преподавание истории в школе. 1947. № 3. С. 85–87.

⁸⁴ *Некрич А.* Отрешись от страха. Воспоминания историка. London, 1979. С. 22–23.

⁸⁵ По дошедшим до нас весьма скудным сведениям в разное время он выполнял в лагерях поручения то банщика, то лесоруба. См. об этом: *Далин М.В.* Посильный комментарий к некоторым событиям жизни Виктора Моисеевича Далина. С. 32; *Старостин Е.В.* Ученый с глазами пророка // ФЕ – 2002. С. 56.

⁸⁶ *Сироткин В.* Указ. соч. С. 333.

⁸⁷ *Некрич А.* Указ. соч. С. 178.

⁸⁸ *Далин В.М.* Указ. соч. С. 16.

в исследовании относительно более узких проблем, с привлечением широкого круга архивных материалов, обстоятельство, вписывающееся в общее русло развития советской науки⁸⁹. В 1950-1960-х гг. на основе тщательного изучения личных архивов деятелей французского революционного и социалистического движения (Г. Бабефа, М.-А. Жюльена, А. Мерргейма и др.), сосредоточенных в архиве бывшего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁹⁰, В.М. Далин создал ряд ценных трудов, принесших ему мировую известность. Через судьбы отдельных деятелей он выходил на широкие просторы исторической эпохи, раскрывая суть явлений и событий.

В 1955 г. В.М. Далин поступил на работу в Институт истории (с 1968 г. – Институт всеобщей истории) АН СССР, где проработал больше четверти века. Мы уже упомянули о сложившихся в 1930-х гг. добрых отношениях В.М. Далина и А.М. Панкратовой. С глубоким уважением Виктор Моисеевич относился к ней и после выхода на свободу, о чем свидетельствует одно из его письменных обращений от 14 января 1956 г.: «Простите, что Вас беспокою. Дело в том, что я обратился с заявлением к т. Шепилову с просьбой о предоставлении мне возможности вести научно-исследовательскую работу. Так как он лично меня не знает, я разрешил себя сослаться на Вас и Вячеслава Петровича, тем более что он ознакомился с моими последними работами 1955 г. Перед подачей заявления я звонил и Вам, а оказалось, что Вы в Узком. Я не хотел задерживать заявление и послал его. Но хочу поставить Вас об этом в известность на тот случай, если Вас запросят. Еще раз хочу Вас поблагодарить за все»⁹¹. В любом случае, в 1956 г. блестяще защитив кандидатскую диссертацию «Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции», не потерявшую научной ценности и актуальности, он занял в Институте истории должность старшего научного сотрудника.

Наряду с участием в работе над коллективными трудами⁹², В.М. Далин наконец-то смог возобновить свои изыскания в области истории Французской революции XVIII столетия⁹³. В мировую историческую науку он входит прежде всего как крупнейший исследователь Бабефа и бабувистского движения. Впервые интерес к нему у

В. М. Далина возник еще в 1947 г., при составлении комментариев к книге Буонарроти, с той поры он «начал мечтать о том, чтобы написать его биографию»⁹⁴. Это было отнюдь не удивительно, ибо, как верно заметил А.В. Гордон, «замечательной, даже трогательной» чертой А.В. Алексеева-Попова «было привнесение личностного, “человеческого” фактора в историографические оценки. Он находил, что интерес к определенным проблемам и фигурам революции является продолжением личности ученого, и поэтому, например, Я.М. Захер выбрал изучение жизни и деятельности выразителей настроений городской бедноты, а А.З. Манфред стал биографом Робеспьера»⁹⁵.

⁸⁹ Об особенностях развития советской исторической науки см. в главе IV

⁹⁰ Ныне: Российский государственный архив социально-политической истории.

⁹¹ АРАН. Ф. 697 (А.М. Панкратова). Оп. 3. Ед. хр. 259. Л. 1. К слову, А.М. Панкратова в меру своих возможностей помогала своим коллегам, вернувшимся из сталинских лагерей. В 1956 г. она ходатайствовала за восстановление в статусе профессора Я.М. Захера. См.: Гордон А.В. Указ. соч. С. 121–122.

⁹² Далин В.М. История в «меняющемся мире». (О некоторых концепциях новейших буржуазных «всемирных историй») // Против фальсификации истории. М., 1959. С. 3–66 [в соавторстве с А.М. Некричим и Н.Н. Яковлевым]; *Он же*. Франция [в 1900–1914 гг.] // Всемирная история. Т 7. М., 1960. С. 415–424 [в соавторстве с Б.А. Айзиным]; *Он же*. Империализм и малые страны Европы // Там же. С. 435–439; *Он же*. Борьба революционной и реформистской тенденций в международном революционном движении // Там же. 478–490 [в соавторстве с Б.А. Айзиным и М.Я. Гефтером].

⁹³ В 1955–1956 гг. он составил комментарии к избранным произведениям Ж.П. Марата (Марат Ж.П. Избранные произведения. Т 1–3. М., 1956), которые А.З. Манфред в 1962 г. в своем «Отзыве» о В.М. Далине по праву характеризовал «ценными» (НИОР РГБ. Ф. 772 (А.З. Манфред). К. 10. Ед. хр. 9. Л. 1). Он также перевел третий том этого издания.

⁹⁴ Далин В.М. Полвека изучения истории Франции. С. 9.

⁹⁵ Гордон А.В. Судьба ученого советской эпохи: В.С. Алексеев-Попов // ФЕ – 2014. Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 316–317.

Именно по той же причине В.М. Далин стал биографом Бабефа, упорная работа над богатым архивом которого, практически не разработанным, позволила ему в сравнительно короткий срок осуществить заветную мечту. Приступив к систематическому исследованию деятельности Бабефа и его идейной эволюции накануне и во время Французской революции, В.М. Далин ввел в научный оборот огромное количество неопубликованных архивных материалов. Он написал ряд статей, посвященных эволюции идей Бабефа и его отношениям с руководящими деятелями Революции⁹⁶. В них анализируется меняющееся в ходе Революции отношение Бабефа к Марату, Робеспьеру, Дантону, вскрыты его идейные воззрения, послужившие, по мнению автора, основной причиной расхождений между ним и вождями якобинцев⁹⁷.

В 1962 г. В.М. Далин защитил докторскую диссертацию на тему «Графх Бабеф накануне и во время Великой французской революции», а через год на ее основе опубликовал монографическое исследование⁹⁸, которое он считал «главным трудом» своей жизни⁹⁹.

В книге В.М. Далина деятельность Бабефа представлена в плане изучения его политической активности и выяснения его социальных и политических идей. Сложный процесс формирования революционно-коммунистического мировоззрения Бабефа прослежен на широком фоне окружавшей социальной действительности и развертывавшихся политических событий, повлиявших на окончательное оформление его взглядов. В то же время подвергнуты доскональному изучению идейные истоки этой эволюции, влияние просветительской и коммунистической мысли XVIII в. (Руссо, Мабли), к которой Бабеф относился достаточно критически¹⁰⁰.

В.М. Далин впервые обратил внимание на то, что еще до Революции Бабеф был сторонником «коллективных ферм», то есть, по существу, коллективного производства. Тем самым Бабеф уже тогда придерживался коммунистических взглядов. Он утверждал, что с 1789 г. складывался «интерес Бабефа к совершенно определенной группе населения – к пролетариату и особенно полупролетариату мануфактурного периода»¹⁰¹.

В.М. Далиным исследовано активное участие Бабефа в борьбе против косвенных налогов в аграрном движении 1790–1792 гг., когда он выступал за «полную революционную ликвидацию феодализма и всех феодальных повинностей без какого бы то ни было выкупа»¹⁰². Важное значение имеет наблюдение В.М. Далина о решающей роли опыта экономической политики якобинской диктатуры в окончательном формировании социально-экономических идей Бабефа¹⁰³. В 1793 г., как он утверждал, «коммунистический идеал создания общества “совершенного равенства” являлся центральной идеей мировоззрения Бабефа»¹⁰⁴.

⁹⁶ Далин В.М. Бабеф и Марат в 1789–1790 годах // ВИ. 1956. № 9. С. 45–58 (перепеч. в: Далин В.М. Из истории социальной мысли во Франции. С. 143–194); *Он же*. Робеспьер и Бабеф // НиНИ. 1958. № 6. С. 88–97 (перепеч. в: Далин В.М. Люди и идеи. С. 22–36); *Он же*. Новые документы об отношении Бабефа к Дантону // ВИ. 1959. № 4. С. 156–160; *Он же*. Незвестная рукопись Бабефа // ФЕ – 1958. М., 1959. С. 184–205; *Он же*. Социальные идеи Бабефа накануне революции. (К 200-летию со дня рождения Бабефа) // НиНИ. 1961. № 1. С. 52–71. В 1961 г. в ГДР был опубликован сборник статей В. М. Далина о Бабефе: *Dalin V.M. Babeuf-Studen*. Berlin, 1961.

⁹⁷ Попутно отметим, что в эти же годы он изучил также архив видного французского политического деятеля периода Революции М.-А. Жюльена. На основе никем не изученных до него документов В.М. Далин впервые рассмотрел деятельность Жюльена после 9 термидора, мастерски воспроизвел его политические блуждания, являвшиеся характерными для целого поколения демократов того времени. См.: Далин В.М. М.-А. Жюльен после 9 термидора // ФЕ – 1959. М., 1961. С. 184–225 (перепеч. в: Далин В.М. Люди и идеи. С. 37–88).

⁹⁸ Далин В.М. Графх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794) / пер. на франц. яз.: *Daline V.M. Gracchus Babeuf à la veille et pendant la Révolution française*. Moscou, 1976. 2^{n^o} éd. Moscou, 1987.

⁹⁹ Далин В.М. Строили историю.

¹⁰⁰ См. об этом подробно: Далин В.М. Руссо в оценке Бабефа. (К 250-летию со дня рождения Ж.Ж. Руссо и к 200-летию «Общественного договора») // Век Просвещения. М.; Париж, 1970. С. 279–288.

¹⁰¹ Далин В.М. Графх Бабеф... С. 201.

¹⁰² Там же. С. 382–386.

¹⁰³ Там же. С. 550.

¹⁰⁴ Там же. С. 590.

Развитие политических идей Бабефа исследовано не менее досконально. Под влиянием Руссо Бабеф в 1790 г. настаивал на осуществлении «прямого народоправства», а затем, ведя последовательную борьбу против цензовой избирательной системы Национального собрания, стремился к осуществлению «подлинного народного суверенитета»¹⁰⁵. Как верно заметил В.М. Далин, лишь события последующих лет Революции привели Бабефа к идее необходимости установления временной революционной диктатуры, к которой он окончательно примкнул лишь в годы термидорианской реакции¹⁰⁶.

Книга В.М. Далина – крупный вклад в изучение не только деятельности Бабефа, но и самой Французской революции. Нельзя не согласиться с А.З. Манфредом, написавшим Н.М. Дружинину в письме от 28 января 1962 г., что «исследование В.М. Далина по очень узкой теме: Бабеф до 9 термидора – поднимает также коренные вопросы Великой французской революции»¹⁰⁷. То же констатировал французский историк Ж.-Н. Дюканж, верно отметивший, что исследование В.М. Далина посвящено «не Бабефу и конспирации, а всему предыдущему периоду до 1794 г.»¹⁰⁸.

На основе многочисленных документов архива Бабефа он дал с марксистских позиций оценки многих важнейших проблем революционной эпохи, имеющих отнюдь не частное значение, таких как усиление феодальной реакции в конце Старого порядка, упорно отрицавшиеся представителями критического направления в историографии Французской революции, нарастание революционной ситуации, аграрное движение в 1790–1792 гг. и др. В.М. Далин опроверг точку зрения Ж. Лефевра, считавшего, что конфискации 1790 г. имели чисто политический характер. Ссылаясь на «Петицию о фьефах» Бабефа, где выдвигалось требование конфискации всех сеньорий, он доказал, что этот процесс имел одновременно социальный характер¹⁰⁹.

Книга В.М. Далина была высоко оценена советскими и зарубежными историками. В связи с выдвижением его кандидатуры на премию президиума АН СССР имени В.П. Волгина 4 октября 1970 г. на заседании сектора Истории Франции Института всеобщей истории АН СССР под руководством заведующего сектором А.З. Манфреда, «выступавшие отметили исключительно высокий научный уровень выдвигаемых работ [«Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794)» и «Люди и идеи». – В. П.]. На основе до сих пор никому не известных источников, впервые введенных им в научный оборот, В.М. Далину удалось создать практически исчерпывающую биографию Бабефа до 9 термидора, совершенно по-новому осветив целый ряд принципиально важных вопросов»¹¹⁰.

Как отмечали В.А. Дунаевский и Г.С. Кучеренко, «монография В.М. Далина значительно обогатила и упрочила более чем полуторавековую традицию осмысления в нашей стране истории движения “равных”. Благодаря его трудам о Бабефе советская наука заняла ведущее положение в исследовании этого важного явления всемирной истории»¹¹¹. «Фигура Бабефа благодаря богатому и насыщенному исследованию В.М. Далина, выполненному со всей необходимой тщательностью, встает перед нами во весь свой рост. Человек действия и человек мысли, Бабеф предстает теперь как одна из самых выдающихся фигур в Революции, и притом

¹⁰⁵ Там же. С. 286, 362–363 и др.

¹⁰⁶ Там же. С. 363. См. об этом подробно: *Черткова Г.С.* Гракх Бабеф в годы термидорианской реакции. М., 1980.

¹⁰⁷ АРАН. Ф. 1604 (Н.М. Дружинин). Оп. 4. Ед. хр. 558. Л. 5.

¹⁰⁸ *Ducange J.-N.* La Revolution française et l'histoire du monde. Deux siècles de débats historiques et politiques 1815–1991. Paris, 2014. P. 196.

¹⁰⁹ *Далин В.М.* Гракх Бабеф. С. 387. См. об этом подробно: *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. 2-е изд. М., 1987. С. 185–190.

¹¹⁰ «Выписка из протоколов заседания сектора истории Франции» // НИОР РГБ. Ф. 772. К. 33. Ед. хр. 15. Л. 277.

¹¹¹ *Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981. С. 114.

с самого ее начала, с 1789 г.»¹¹², – писал А. Собуль. По мнению Ж. Годшо, «никто отныне не может говорить о Бабефе, не читая книгу Далина»¹¹³. В одном же из своих последующих историографических обзоров он, вновь обращаясь к монографии В.М. Далина, отметил: «Лучшая книга о Бабефе – это книга русского историка Виктора Далина»¹¹⁴. В середине 1960-х гг. Н.М. Дружинин в одном из своих писем к Франко Вентури характеризовал труды В.М. Далина о Гракхе Бабефе как «ценные исследования», которые невозможно было «игнорировать»¹¹⁵.

Отдавая должное капитальному труду В.М. Далина, специалисты высказывали и соображения дискуссионного порядка. Некоторые возражения выдвинул, например, А.Р. Иоаннисян, охарактеризовавший книгу «наиболее выдающимся исследованием, специально посвященным жизни и деятельности Бабефа»¹¹⁶. Не сомневаясь, что она «давно вошла в золотой фонд не только советской, но и мировой исторической литературы»¹¹⁷, он упрекал его, в частности, в «чересчур прямолинейном» рассмотрении идейного развития Бабефа в предреволюционные годы и в недостаточном внимании к его колебаниям той поры между эгалитаризмом и коммунизмом¹¹⁸. А.Л. Нарочницкий выступал с упреком об отсутствии у В.М. Далина критической оценки примитивного уравниательства в «крестьянском коммунизме Бабефа», которое привело бы «к стагнации производительных и всех других сил общества»¹¹⁹.

В галерее французских исторических деятелей Бабеф был самой любимой личностью В.М. Далина. Он и в дальнейшем неоднократно обращался к истории бабувизма¹²⁰. К. Мазорик считает его «самым новаторским историком заговора Бабефа и Равных»¹²¹. Тем не менее отметим, что несмотря на пристальное внимание, проявлявшееся со стороны советских исследователей к бабувизму, история самого «Заговора равных» не привлекала их особого внимания: лишь П.П. Щеголев в 1927 г. посвятил этой теме маленькую книжку¹²². По признанию В.М. Далина в разговоре со мной, он даже отказался от сделанного ему предложения написать полную биографию Бабефа для серии «Жизнь замечательных людей». Тем самым стрелы острой критики его близкого друга А.З. Манфреда направились и против него, который после конгресса историков 1965 г. в Вене отметил получение «во всех западных странах» чрезвычайно широкого распространения жанра научной биографии и подчеркнул, что советским историкам «необходимо создать и развить этот важный вид исторического творчества, которым мы незаслуженно пренебрегаем»¹²³.

¹¹² См. рец. А. Собуля: НиНИ. 1965. № 1. С. 129–133.

¹¹³ *Godechot J.* La période révolutionnaire et impériale [publications de 1972 à 1978] (suite) // *Revue historique*. 1981. N 539. P. 195.

¹¹⁴ *Godechot J.* L'histoire de la Révolution française // *Historiens-géographes*. 1984. N 298. P. 748.

¹¹⁵ *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 385.

¹¹⁶ *Иоаннисян А.Р.* Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966. С. 60.

¹¹⁷ См. рецензию А.Р. Иоаннисяна на книгу В.М. Далина «Из истории социальной мысли во Франции»: НиНИ. 1985. № 4. С. 163.

¹¹⁸ См. рец. А.Р. Иоаннисяна: ВИ. 1965. № 1. С. 158. См. его же развернутую точку зрения в: *Иоаннисян А.Р.* Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. С. 60–65.

¹¹⁹ *Нарочницкий А.Л.* Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // НиНИ. 1989. № 3. С. 15.

¹²⁰ *Далин В.М.* К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Арраской тюрьме // *История социалистических идей: сб. статей памяти академика В.П. Волгина*. М., 1964. С. 475–485; *Он же.* Наполеон и бабувисты // ВИ. 1970. № 7. С. 190–204 (перепеч. в: *Далин В.М.* Люди и идеи. С. 89–98); *Он же.* Новейшая зарубежная литература о Бабефе // ВИ. 1972. № 3. С. 193–201; *Он же.* Вандомский процес // ФЕ – 1978. М., 1980. С. 187–198.

¹²¹ *Mazauric C.* L'histoire de la Revolution française et la pense marxiste. Paris, 2009. P. 62.

¹²² *Щеголев П.П.* Заговор Бабефа. Л., 1927. Недавно этой же теме было посвящено исследование одной из современных российских исследовательниц. См.: *Чепурина М.Ю.* Гракх Бабеф и заговор «равных». М., 2017.

¹²³ *Манфред А.З.* Конгресс историков в Вене // *Вестник Академии наук СССР*. 1966. № 1. С. 102. Об этом см. также: *Чубарьян А.О.* Предисловие // *Россия и Британия*. Вып. 3. В мире английской истории. Памяти академика В.Г. Трухановского. М., 2002. С. 5; *Давидсон А.Б.* Мастер биографического жанра // Там же. С. 32.

Следует особо подчеркнуть активнейшее участие В.М. Далина в осуществлении международного издания сочинений Бабефа в четырех томах. В 1966 г. совместно с А. Собулем и А. Саятта он подготовил к публикации «Опись рукописных и печатных работ Бабефа»¹²⁴.

Советским историком была составлена основная часть описи, включавшая материалы московского архива Бабефа. На основе этой описи в 1970-х – начале 1980-х гг. под руководством В.М. Далина и А. Собуля было осуществлено издание сочинений Бабефа¹²⁵, оставившее далеко позади имеющиеся до того издания произведений Трибуна народа¹²⁶. Ко всем томам В.М. Далиным были написаны обширные предисловия, имеющие самостоятельное научное значение, и подробные комментарии.

Как историк Французской революции В.М. Далин интересовался не только историей бабувизма, несмотря на явные симпатии к Бабефу и его сподвижникам. Он принимал активное участие и в острых дискуссиях по различным проблемам истории Революции.

В. М. Далин не остался безучастным к развернувшейся среди советских историков дискуссии по проблемам якобинской диктатуры. Он неоднократно выступал по проблемам исторической роли якобинцев и классовой природы якобинской диктатуры, вызвавшим оживленные споры в исторической литературе. Этот этап Революции, с давних пор ставший в советской историографии одной из приоритетных тем и предметом пристального внимания¹²⁷, вызывал различные интерпретации, сводившиеся к двум основным. Н.М. Лукин, А.З. Манфред, А.В. Адо и многие другие исследователи, при наличии ряда расхождений в точках зрения, рассматривали якобинскую диктатуру как выразительницу интересов неоднородного блока социальных сил: средней и мелкой буржуазии, крестьянства, плебса¹²⁸. Начиная с 1960-х гг. В.Г. Ревуненков в ряде работ выдвинул иную трактовку якобинского революционного правительства, которое, по его мнению, отражало интересы крупной и средней буржуазии¹²⁹.

Ученик Н.М. Лукина, В.М. Далин в оценке якобинской диктатуры придерживался концепции учителя, которая в дальнейшем была развита А.З. Манфредом. В.М. Далин полагал, что «якобинцы представляли далеко не только одну буржуазию. Они стояли во главе блока демократической (средней и мелкой) буржуазии, крестьянства и городского плебейства, руководили союзом классовых сил... Якобинцы были партией революционного блока, со всеми его сильными сторонами и со всеми присущими ему внутренними классовыми противоречиями»¹³⁰.

Как и А.З. Манфред, В.М. Далин был уверен, что восстание 31 мая – 2 июня привело «революцию к ее кульминационному пункту», установлению якобинской диктатуры¹³¹. В этой связи необходимо осветить его отношение к периодизации Французской революции, другой существенной проблеме, вызвавшей в советской историографии оживленные споры и ставшей

¹²⁴ Daline V., Soboul A., Saitta A. Inventaire des manuscrits et des imprimés de Babeuf. Paris, 1966. См. рец. М. Домманже (Revue d'histoire économique et sociale. 1967. N 4. P. 554–555) и Е.В. Киселевой (НиНИ. 1968. № 1. С. 161–162).

¹²⁵ Бабеф Г. Сочинения. В 4 т. Т 1. М., 1975–1982; Ouvres de Babeuf. Т. 1. Paris, 1978.

¹²⁶ Pages choisies de Babeuf. Paris, 1935; Babeuf. Textes choisis. Paris, 1951; *idem*. Textes choisis. Paris, 1965; *idem*. Le tribun du peuple (1794–1796). Textes choisis. Paris, 1969.

¹²⁷ О причинах см.: Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 56, 197 и др.

¹²⁸ Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер // Лукин Н.М. Избранные труды. Т 1. М., 1960. С. 15–156; *Он же*. Ленин и проблема якобинской диктатуры // Там же. С. 322–388; Манфред А.З. О природе якобинской власти // ВИ. 1969. № 5. С. 92–107; *Он же*. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978; Адо А.В. К вопросу о социальной природе якобинской диктатуры // НиНИ. 1972. № 1. С. 149–157.

¹²⁹ См., например: Ревуненков В.Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры. Л., 1966; *Он же*. Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971; *Он же*. Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983. См. рец. А.В. Адо на последнюю книгу (ВИ. 1986. № 8. С. 134–140), где высказан ряд возражений.

¹³⁰ Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 79, 280. См. также: Выступление на симпозиуме в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20 мая 1970 г. Проблемы якобинской диктатуры // ФЕ – 1970. М., 1972. С. 279–284; *Он же*. Lénine et le Jacobinisme // АНРЕ 1971. N 203. P. 89–112.

¹³¹ Далин В.М. Грахк Бабеф... С. 592.

причиной расхождения мнений. В этом вопросе, в отличие от предыдущего, В.М. Далин не разделял мнения А.З. Манфреда, определявшего в целом весь период от 9 термидора до 18 брюмера как контрреволюционный. Считая 9 термидора поворотным пунктом в Революции, В.М. Далин утверждал в то же время, что «этим днем закончилась поступательная линия в развитии революции»¹³². «Великая французская революция, – писал он, – пережила две фазы: 1789–1794 гг., когда были совершены ее великие деяния, – фаза восходящего развития, и 1794–1799 гг. – нисходящая фаза, в которую революция вступила 9 термидора»¹³³. Характеризуя переворот 9 термидора «контрреволюционным», как это было принято в советской историографии, он полагал, что после него «восходящая линия развития великой буржуазной революции заканчивалась, – предстоял ее стремительный скат вниз»¹³⁴.

Разумеется, с высоты наших дней не все интерпретации истории Французской революции В.М. Далина полностью сохранили актуальность. Надо иметь в виду, что он исследовал историю Революции в рамках марксистской методологии и опираясь на достижения науки своего времени. В данном случае речь идет не только об апологетической оценке деятельности Бабефа¹³⁵. Вызывают возражения и некоторые интерпретации, данные В.М. Далиным самой революционной эпохе. К примеру, отметим его довольно категорическое суждение о борьбе Бабефа за «полную революционную ликвидацию феодализма» [курсив наш. – В. П.] в первые годы Революции¹³⁶. Сегодня В.М. Далин, несомненно, предпочел бы избежать такой прямолинейной формулировки при характеристике французской экономики в начале 1790-х гг. Ведь при переиздании в 1983 г. книги А. З. Манфреда «Великая французская буржуазная революция» В. М. Далин счел необходимым внести маленькую, но существенную коррективу в одно из определений автора книги почти 30-летней давности. В 1956 г. А.З. Манфред характеризовал господствовавшие во французском сельском хозяйстве в конце XVIII столетия отношения как «феодалы». В.М. Далин же, учитывая новейшие достижения науки, заменил это определение на «полуфеодалы»¹³⁷.

По поводу же интерпретации периодизации Французской революции имеет смысл хотя бы вкратце отметить новое в трактовке проблемы. В конце 1980-х гг. с весьма обоснованным предложением о необходимости пересмотра периодизации Революции выступил Е.Б. Черняк, утверждавший, что «к концу 1793 г. революция достигла всего того, что было исторически возможно... Развитие революции по восходящей линии завершилось к концу 1793 г. – началу 1794 г.»¹³⁸.

В 1988 г. с острой критикой оценки 9 термидора как «контрреволюционного» переворота выступил Д.М. Туган-Барановский¹³⁹. По этому вопросу отличную от советских предшественников точку зрения выразил и Д.Ю. Бовыкин, наблюдения которого о послетермидорианской Франции представляют несомненный интерес. Он полагает, что именно после 9 термидора «совершался переход от революционного к конституционному способу управления государством»¹⁴⁰.

¹³² Далин В.М. Падение первой республики (от 9 термидора до 18 брюмера) // История Франции. В 3 т. Т 2. М., 1973. С. 71.

¹³³ Далин В.М. Предисловие // Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 12.

¹³⁴ Далин В.М. Гракх Бабеф... С. 592.

¹³⁵ О пересмотре такого подхода некоторыми современными российскими исследователями см.: Чепурина М.Ю. Указ. соч. С. 210–211.

¹³⁶ Далин В.М. Гракх Бабеф... С. 382.

¹³⁷ См.: Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция XVIII века. М., 1956. С. 8; Он же. Великая французская революция. С. 17.

¹³⁸ Черняк Е.Б. 1794-й год. Некоторые актуальные проблемы исследования Великой французской революции // НиНИ. 1989. № 1. С. 78–79.

¹³⁹ Туган-Барановский Д.М. О проблемах изучения нисходящей фазы революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г.). М., 1989. С. 184.

¹⁴⁰ Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. С. 5.

Что касается трактовки роли якобинцев и исторического значения их деятельности, несмотря на критику некоторыми исследователями в адрес той точки зрения, которой придерживался и В.М. Далин¹⁴¹, автор этих строк в целом разделяет его подход, с учетом, конечно, существенной коррективы, внесенной А.В. Адо: якобинцы и их лидер, защищая интересы широких слоев общества, воспринимали понятие народ «сквозь призму мелкобуржуазного, в социальном плане довольно умеренного мировоззрения»¹⁴².

Касаясь развития особенностей советской исторической науки, несомненно, была права Л.А. Сидорова, которая в связи с интерпретацией истории представителями послевоенного поколения отечественных историков верно заметила, что «марксистская непримиримость поколения красных профессоров уступала место более взвешенному отношению к партийности в исторических исследованиях. Поиск исторической объективности был включен в число исследовательских задач»¹⁴³. Эта тенденция более углубилась со второй половины 1980-х гг. и способствовала более объективному развитию нашей науки. Марксистская методология в ее советской версии, основоположником которой был Сталин, при исследовании Французской революции за последние десятилетия уступила доминирующие позиции новым подходам современных российских историков. Исследование истории Французской революции продвигается, и каждое поколение историков вносит свою лепту в ее изучение, впитывая лучшее из трудов своих предшественников, в том числе принадлежавших перу В.М. Далина. Еще в 1990-х гг., незадолго до своей кончины, А.В. Адо писал китайскому историку Шен-Ченсиню: «Ныне, вероятно, можно констатировать, что эта школа [советская] (как и Советский Союз) уже принадлежит истории; время ее миновало. Но ее опыт и лучшее в ее наследии сохраняют свою ценность. Советская историография Французской революции завершила свое существование. На смену ей идет становление новой *российской* историографии Французской революции. Она не утрачивает преемственности с наиболее позитивным наследием историографии советской, но она принадлежит уже к иному времени и имеет свое особое лицо» [курсивы автора. – В. П.]»¹⁴⁴.

* * *

Помимо углубленных изысканий в области истории Французской революции, В.М. Далин с середины 1960-х годов продолжал так же плодотворно исследовать и историю социалистического движения во Франции. Тщательно изучая имеющиеся в бывшем Институте марксизма-ленинизма личные архивы деятелей этого движения, в частности А. Мерргейма, он написал ряд статей по этой теме¹⁴⁵. Обнаруженные архивные материалы позволили ему не только подтвердить свой основной вывод 1930-х гг. об отсутствии левого крыла в социалистической партии¹⁴⁶, но и проследить борьбу течений во Всеобщей конфедерации труда, вскрыть

¹⁴¹ См., например: *Болховитинов Н.Н.* Новое мышление и изучение Великой французской революции XVIII в. // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 20–39; *Молчанов Н.Н.* Монтаньяры. М., 1989.

¹⁴² См. рецензии А.В. Адо на книги А.З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции» (М., 1978) (НиНИ. 1979. № 2. С. 199) и «Великая французская революция» (М., 1983) (ВИ. 1985. № 6. С. 130).

¹⁴³ *Сидорова Л.А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки -2004. Историографический вестник. М., 2005. С. 219.

¹⁴⁴ [Адо А.В.] Письмо Шен-Ченсиню // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1996. № 5. С. 27, 32.

¹⁴⁵ См., например: *Далин В.М.* Было ли гедистское движение единым? // НиНИ. 1964. № 5. С. 96–108 (перепечатано в: *Далин В.М.* Люди и идеи. С. 167–188); *Он же.* Альфонс Мерргейм и его «конфиденциальная переписка» // Европа в новое и новейшее время. С. 365–412 (перепечатано в: *Далин В.М.* Люди и идеи. С. 294–343; *Он же.* Из истории социальной мысли во Франции. С. 143–194); *Он же.* Гюстав Эрве и Домела Ньювенгуйс. (Из архива Домелы Ньювенгуйс // ФЕ – 1966. М., 1967. С. 261–267; *Он же.* Бакунист в двадцатом столетии. (Джеймс Гильом и французский синдикализм) // ФЕ – 1971. М., 1973. С. 195–224.

¹⁴⁶ *Далин В.М.* Стачка почтовиков и кризис Всеобщей конфедерации труда // *Далин В.М.* Из истории социальной мысли

имевшиеся в ней внутренние разногласия накануне и в начале Первой мировой войны. Опровергая бытующее во французской историографии мнение, отвергавшее наличие борьбы во Всеобщей конфедерации труда, В. М. Далин с большой убедительностью доказал отсутствие «единого руководящего ядра в конфедерации» еще в 1906–1909 гг.¹⁴⁷

Материалы архива А. Мерргейма предоставили В.М. Далину возможность подробно осветить вопрос об отношении Всеобщей конфедерации труда к милитаристской опасности в первые месяцы Первой мировой войны. Им вскрыты имевшиеся к тому времени разногласия между двумя течениями конфедерации: группировка Жуо, явно перешедшая на позиции социал-шовинизма, как это им доказано, подвергалась решительной критике со стороны Мерргейма, ставшего «на какой-то период времени центром движения для всех антишовинистов»¹⁴⁸.

В.М. Далин первым обратил должное внимание и на разногласия, имевшиеся внутри гедистского движения. Вводя в научный оборот вновь выявленные архивные документы, проливающие свет на взаимоотношения Геда и Лафарга со времени нашумевшего дела Дрейфуса, он рассматривал происходившую между ними борьбу как «эпизод из истории борьбы революционного марксизма с догматизмом»¹⁴⁹.

* * *

В.М. Далин на протяжении своей долгой научной деятельности, помимо изысканий в отмеченных областях¹⁵⁰, проявлял неизменный и с годами все возрастающий интерес к достижениям французской исторической науки. Еще в первой половине 1930-х гг. он неоднократно откликался не только на книги своих советских коллег, но и на различные новейшие французские издания по истории, главным образом партии радикалов и социалистического движения¹⁵¹. В последние годы жизни он стал все больше увлекаться историографическими проблемами. Его главные историографические работы в 1981 г. были опубликованы отдельной книгой, подытожившей его многолетние размышления и свидетельствовавшей о колоссальной эрудиции, разносторонних интересах автора¹⁵². Одно ознакомление с содержанием этого сборника позволяет оформить четкое представление о приоритетных областях отечественной и французской историографий, находившихся в центре его научных интересов в 1960–1980-е гг. В.М. Далин сконцентрировал внимание на основополагающих этапах изучения французской истории во Франции (начиная от историков эпохи Реставрации и кончая своими современниками), в дореволюционной России и в СССР.

Большое место в книге уделено историографическим проблемам Французской революции. В советской историографии работа по обобщению вклада русской и советской науки в исследование этой темы началась еще с середины 1920-х гг.¹⁵³, и В.М. Далин, будучи истори-

во Франции. С. 141–142.

¹⁴⁷ Далин В.М. Альфонс Мерргейм и его «конфиденциальная переписка» // Там же. С. 189.

¹⁴⁸ Далин В.М. Всеобщая конфедерация труда в начале первой империалистической войны // ФЕ – 1964. М., 1965. С. 240.

¹⁴⁹ Далин В.М. Было ли гедистское движение единым? // Далин В.М. Люди и идеи. С. 188.

¹⁵⁰ Основные исследования В.М. Далина по истории французского социалистического движения, а также посвященные деятелям Французской революции опубликованы в указанных нами двух его сборниках статей – «Люди и идеи» и «Из истории социальной мысли во Франции», которые далеко не полностью отражают широкий круг его интересов.

¹⁵¹ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902–1985) и литература о нем. С. 70–72.

¹⁵² Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков.

¹⁵³ См.: Кареев Н.И. Французская революция в марксистской историографии в России. Вступление и публикация Д.А. Ростиславлева // Великая французская революция и Россия / под ред. А.В. Адо, В.Г. Сироткина. М., 1989. С. 196–209; Loukine N. La Révolution française dans les travaux des historiens soviétiques // ANRF. 1928. N 2. P. 128–138; Дунаевский В.А. Великая французская революция в советской историографии (1917–1941 гг.) // История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1966. С. 45–88; Он же. Советская историография новой истории Запада. С. 76–113; Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974. С. 201–330.

ком, стоявшим у истоков советской исторической науки, не мог остаться в стороне. Он внимательно изучил все основные работы советских исследователей, обстоятельно представил тот весомый вклад, который внесла советская историография в разработку социальной, политической, идеологической истории Французской революции. По праву отмечая, что советские историки уделяли основное внимание изучению борьбы классов в период якобинской диктатуры, деятельности отдельных политических группировок, особенно крайне левых, а также социальных идей накануне и в годы Революции¹⁵⁴, он, однако, воздержался от научного обоснования такого неравномерного подхода к истории революционной эпохи, не объясняя, чем был обусловлен этот явно повышенный интерес со стороны его коллег, да и его самого, к исследованию истории Французской революции «снизу». Не представляя научную интерпретацию истории Революции «вне» марксизма, он и не считал нужным дать разъяснения на этот счет, что было бы весьма уместным¹⁵⁵. Однако В.М. Далин в то же время, сознавая необходимость изучения на основе марксистской методологии деятельности правых сил, поручил автору этих строк исследовать историю французской контрреволюции времен Директории.

Критический разбор некоторых основополагающих исследований, вышедших из-под пера знаменитых французских историков XX века различных направлений, В.М. Далиным дан в обстоятельном обзоре, посвященном развитию основных тенденций французской историографии XX столетия («Французские историки XX века. Судьбы школы “Анналов”»). В.М. Далин, имея на это все основания, считал себя вправе обратиться к деятельности известного в мировой историографии направления: «Пишущий настоящие строки полагает, что он имеет известное право высказаться о судьбах школы “Анналов”. Полвека назад он с большой симпатией познакомился с первыми книжками журнала»¹⁵⁶.

В этой работе В.М. Далин проследил ход развития исторической мысли во Франции в XX столетии, в частности сложную эволюцию школы «Анналов», определил ее место и роль во французской историографии, группировавшейся вокруг основанного в 1929 г. М. Блоком и Л. Февром журнала «Анналы экономической и социальной истории», во многом способствовавшего углубленному изучению экономической истории и превращению «истории в подлинную науку». Он доказал, что в произошедшем во французской историографии в 1930-х гг. переломе немаловажную роль сыграло творчество ряда виднейших французских историков (Ж. Жореса, А. Матеза, Ж. Лефевра), не связанных с «Анналами».

В.М. Далин всегда с особым почтением говорил не только об «отцах-основателях» «Анналов», но и об их преемнике Ф. Броделе, хотя не разделял его взглядов по многим вопросам. Высоко оценивая творчество Броделя и отдавая ему дань глубокого уважения, он вместе с тем выступил с умеренной критикой в адрес некоторых его воззрений концептуального характера. В.М. Далин упрекал его в особенности в отделении материальной цивилизации от экономической жизни и капитализма, объясняя подход французского историка его незнанием ленинского определения, основанного на теории Маркса о том, что «капитализм вырастает как бы ежедневно, из простейших товарных отношений». В конечном итоге он полагал, что это отразилось «отрицательно на всем построении труда Ф. Броделя» о материальной цивилизации¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Далин В.М. Указ. соч. С. 81, 87.

¹⁵⁵ Своеобразие развития советской науки в изучении Французской революции позднее было критически освещено А.В. Адо. См.: Адо А.В. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о Французской революции. С. 310–318. И автор этих строк предпринял еще в 1988 г. робкую попытку если не научной интерпретации, то, по крайней мере, констатации явно одностороннего подхода, проявлявшегося советскими историками в изучении Французской революции: Погосян В.А. О некоторых аспектах истории Французской революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 197–201.

¹⁵⁶ Далин В.М. Указ. соч. С. 257.

¹⁵⁷ Там же. С. 204.

В очерке сравнительно мало места уделено марксистской исторической науке, ибо автор делал упор в основном на творчество двух историков-марксистов – А. Собоуля и К. Виллара. Несмотря на это, В.М. Далин дал весьма лестную оценку марксистской науке во Франции, упоминая «не только о влиянии марксизма на историков, не разделяющих марксистских идей, но и чисто марксистской историографии, стоящей на самом высоком научном уровне и занявшей наконец твердые позиции в высшей школе»¹⁵⁸.

В.М. Далин прекрасно раскрыл причины эволюции «Анналов», появления в середине 1960-х гг. «третьего поколения» этой школы, полностью отошедшего от позиций основателей журнала и Ф. Броделя. Интерес журнала к экономической истории как самой приоритетной сфере научных поисков он связывал с деятельностью М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя. Однако, как он отметил, с «приходом представителей “третьего поколения” положение существенно изменилось». Подробно исследуя работы представителей этого поколения – видных французских историков, в частности Э. Леруа-Ладюри, В.М. Далин пришел к справедливому заключению об ослаблении интереса к экономической истории, переставшей быть основной тематикой и уступившей место демографическим и биологическим процессам, оказавшихся в центре внимания учеников Ф. Броделя, заменивших его в руководстве журнала. Он подверг критике теорию «неподвижной истории» Э. Леруа-Ладюри, обуславливающей экономику одними биологическими факторами¹⁵⁹. Другое дело, что В.М. Далин интерпретировал изменение тематики журнала после ухода Ф. Броделя в 1968 г. с односторонних и явно ограниченных позиций, утверждая как историк-марксист, что эта тенденция привела лишь к ограничению изучения истории классовой борьбы¹⁶⁰. С более объективных позиций вклад «Анналов» в изучении биологических процессов исследовал С.Ф. Блуменау¹⁶¹.

Из представителей «третьего поколения» «Анналов» В.М. Далин много места уделил историкам Старого порядка и Французской революции, в особенности Д. Рише, Г. Шоссинан-Ногаре, Э. Леруа-Ладюри, а также Ф. Фюре, которого характеризовал как «наиболее агрессивного противника марксистской концепции революции»¹⁶². Под огнем его критики оказались их интерпретации истории предреволюционной Франции и самой Революции, в частности теории «элит», сводившейся к отрицанию роли буржуазии в Революции, «заноса» в период якобинской диктатуры и т. д.¹⁶³

В целом В.М. Далин в 1970-1980-х гг. тяжело переносил перемены в тематике «Анналов» и отход руководителей журнала от методологических подходов его основателей и Ф. Броделя. Вот почему для нуждающегося в моральной поддержке В.М. Далина была весьма кстати острая критика самого Ф. Броделя в адрес своих учеников, заявившего в 1982 г., что «Анналы» после его ухода стали ему «чужды». В.М. Далин незамедлительно и с большой радостью откликнулся на эту броделевскую оценку «третьего поколения» «Анналов»¹⁶⁴, придав ее огласке в советской научной печати под псевдонимом Д. Берг¹⁶⁵.

Не все исследователи, и среди них западные историки-марксисты, полностью разделяли критические замечания В.М. Далина в адрес «Анналов». Ряд обоснованных возражений

¹⁵⁸ Там же. С. 209.

¹⁵⁹ Там же. С. 236.

¹⁶⁰ Там же. С. 240.

¹⁶¹ Блуменау С.Ф. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х – 70-х годов. Брянск, 1994. Гл. 4.

¹⁶² Далин В.М. Указ. соч. С. 242.

¹⁶³ Далин В.М. Указ. соч. С. 241–248. См. также: Он же. К. Маркс и Великая французская революция // ФЕ – 1983. М., 1985. С. 11–19.

¹⁶⁴ Несомненно, прав М. Вовель, утверждающий, что эта оценка Ф. Броделя была каплей «бальзама на душу» В.М. Далина. См.: Вовель М. Виктор Далин – поклонник Броделя // ФЕ – 2007. М., 2007. С. 262.

¹⁶⁵ Берг Д.Ф. Бродель и «Анналы» // ФЕ – 1982. М., 1984. С. 258. О негативном отношении Ф. Броделя к «третьему поколению» «Анналов» см. также: Смирнов В.П. Фернан Бродель: жизнь и труды // ФЕ – 2002. С. 98–99.

выдвинул М. Вовель, отзывавшийся с большим уважением о маститом, «на редкость» сведущем и проницательном¹⁶⁶ советском историке и его работе и выступивший, в принципе, в роли критика «далиновской критики» «Анналов». Что касается обсуждения В.М. Далиным историографических проблем Французской революции, то он, в частности, справедливо упрекал его в недооценке масштаба переворота, произведенного Ф. Фюре¹⁶⁷. В связи с переоценкой творчества Ф. Фюре один из французских историков уже после его кончины по праву заметил, что переосмыслением Французской революции французы (как и мы все) обязаны ему¹⁶⁸.

В любом случае этюд В.М. Далина об «Анналах» нашел среди специалистов весьма положительный отклик. Ф. Бродель, ознакомившись с ним в переводе на французский¹⁶⁹, писал ему: «Я внимательно прочел последние страницы [книги], которые Вы посвятили французским историкам. Они, конечно, приносят Вам самую высокую честь. Чудо то, что Вы, находясь в Москве, сумели проследить за всеми подробностями бесконечно сложного историографического спора»¹⁷⁰. В то же время он настаивал на своей готовности оспорить его выводы, не претендуя при этом, как он писал, скорее, из вежливости, на последнее слово.

Известный специалист по новой истории Франции профессор П. Барраль писал автору этих строк в той же связи: «Я высоко ценю критические статьи В. Далина о французских историках. Он всегда проявляет большую тонкость в своем анализе»¹⁷¹.

Негативное отношение В.М. Далина к любому отклонению от марксистской интерпретации истории наглядно проявилось и в его отклике на последние книги известного английского историка Р Кобба¹⁷². Подвергнув жесткой критике воззрения Р Кобба, он сильно порицал его за отказ от изучения деятельности левых сил в годы Французской революции. Эту позитивную, с нашей точки зрения, перемену научных интересов английского историка, сосредоточившего внимание в последних своих книгах на изучении, в частности, состояния простого люда Парижа, В.М. Далин объяснял его «крайним анархо-индивидуализмом»¹⁷³. На деле, по всей вероятности, под влиянием «Анналов», Р Кобб в 1970-х гг. проявлял намного более охватывающий подход к истории революционной эпохи, чем историки-марксисты, в последних своих книгах выходил за рамки теории классовой борьбы и исследовал историю французского общества под более широким углом зрения.

В связи с переменной тематики Р Кобба Ж. Годшо полагал, что речь идет «о новом представлении Революции, несомненно, с точки зрения ее изучения «снизу», однако, через призму реакции того или иного человека, не являющегося обязательно типичным представителем какой-то группы и еще меньше – класса. Таким образом, Кобб четко отходит от марксистской интерпретации Французской революции, которой придерживались Жорес, Матез и Жорж Лефевр»¹⁷⁴. Именно это обстоятельство вызвало у В.М. Далина вполне объяснимую обостренную реакцию¹⁷⁵. Ведь исследования советских историков, и В.М. Далина в том числе, как метко

¹⁶⁶ Там же. С. 257. О его почтительном отношении к В.М. Далину см. также: *Vovelle M. Les aventures de la raison*. Paris, 1989. P. 127.

¹⁶⁷ *Vovelle M.* Указ. соч. С. 257.

¹⁶⁸ *Daniel J. Les révolutions de François Furet // Nouvel observateur*. 1997. N 1706. P. 39. С непредвзятых позиций творчество Ф. Фюре недавно оценила М. Озуф. См.: *Ozouf M. Франсуа Фюре // ФЕ – 2002*. С. 147–157.

¹⁶⁹ *Dalme V. Hommes et idées*. Moscou, 1983. P. 343–426.

¹⁷⁰ Из письма Ф. Броделя В.М. Далину от 5 декабря 1983 г. Письмо было нам предоставлено М.В. Далиным.

¹⁷¹ Письмо П. Барраля автору от 16 января 1988 г. // Личный архив В. А. Погосяна. См. также рецензии Ж. Годшо (АНRF. 1983. N 254. P 639–641) и К. Мазорика (Humanité. 12 novembre 1983) на его книгу «Hommes et idées».

¹⁷² *Cobb R. The Police and the People. French Popular Protest. 1789–1820*. Oxford, 1970; *idem. Reactions to the French Revolution*. Oxford, 1972.

¹⁷³ *Далин В.М.* Пути и перепутья Ричарда Кобба // *Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. С. 150. Впервые статья была опубликована под иным заглавием: «О новых работах Ричарда Кобба» // *ФЕ – 1973*. М., 1975. С. 260–273.

¹⁷⁴ *Godechot J. Un jury pour la Revolution*. Paris, 1974. P. 366.

¹⁷⁵ О критике взглядов Р Кобба В.М. Далиным см. подробно: *Гордон А.В.* Указ. соч. С. 253–270.

заметил А.В. Гордон, «были проникнуты отождествлением “народной истории” революции с революционной историей народа» [курсивы автора]¹⁷⁶.

В этом вся суть марксистской методологии, сводившейся в советской науке к концентрации внимания, главным образом, если не исключительно, на истории классовый борьбы, способствовавшей поступательному движению истории и в конечном итоге – к смене общественно-экономических формаций. В то же время она не предоставляла ни малейшей возможности для комплексного изучения истории человеческого общества во всем его разнообразии и многогранности, начиная от обыденной жизни различных слоев общества, в том числе попрошайек и уголовных элементов, и кончая деятельностью правых сил – аристократии, буржуазной верхушки, деятелей контрреволюции.

В.М. Далин был самым ярким, по крайней мере из известных мне, представителем своего поколения. Как отмечал А.В. Гордон, «мало сказать, что историки 1920-х годов были носителями наследия революции, они по преимуществу были ее участниками. Свою судьбу они связывали с судьбой революции, благодаря которой многие из них стали профессиональными учеными, с утверждением и сохранением Советской власти»¹⁷⁷. Поэтому не нуждается в комментариях вопрос о том, что человек, посвятивший всю свою молодость утверждению советской власти и установлению марксистской методологии в советской исторической науке, не мог бы, естественно, и тем более уже в преклонном возрасте, равнодушно воспринимать отклонения от марксистской интерпретации истории Французской революции. Ведь хорошо знавшим В.М. Далина было ведомо: «печальные страницы» биографии Виктора Моисеевича, по сути, не повлияли на его мировосприятие до самой кончины. Это касается в равной мере как той скрытой надежды, которую он связывал с возможным приходом к власти в западных странах, и в особенности во Франции, левых политических сил, так и изучения исторического прошлого исключительно на основе марксистско-ленинской методологии. По мнению А.В. Гордона, «позиции третьего поколения “школы Анналов”, “ревизионизм”à Франсуа Фюре. Далин воспринимал как покушение на высшие жизненные ценности, которые были выстраданы им, узником Гулага»¹⁷⁸. А С.В. Оболенская пошла еще дальше, верно заметив предполагаемое его весьма негативное отношение к переменам, произошедшим в СССР во второй половине 1980-х гг. По ее словам, «отказ от социалистическо-коммунистических идеалов был бы для него немислим. Это перечеркнуло бы всю его жизнь и более всего – молодость. В нем странным образом сочетался упрямый оптимизм человека, не сдавшегося, несмотря на все испытания, и внезапно прорывавшийся глубокий пессимизм»¹⁷⁹.

Я полностью разделяю такую оценку мировосприятия В.М. Далина, поскольку это отмеченное ею обстоятельство проявлялось так или иначе почти при каждом его выступлении на заседаниях сектора Новой истории и группы по изучению истории Франции, а также зачастую при личном общении¹⁸⁰. Неслучайно в 1978 г. он заявил: «У всех нас, коммунистов и комсомольцев, есть одна привилегия – сполна отдавать свои силы и умение борьбе за торжество великих идей»¹⁸¹. Поведение В.М. Далина в последний период его жизни без всякого преувеличения полностью соответствовало требованиям Н.И. Кареева, написавшего 25 декабря 1925 г. Д.М. Петрушевскому в связи с 35-летием его научной деятельности: «В людях я особенно ценю верность человека самому себе, своим убеждениям, неспособность к какому бы

¹⁷⁶ Там же. С. 267.

¹⁷⁷ Там же. С. 28.

¹⁷⁸ Там же. С. 253.

¹⁷⁹ Оболенская С.В. Памяти Виктора Моисеевича Далина // Исторические этюды о Французской революции. С. 17.

¹⁸⁰ Летом 1983 г. в Узком я спросил у Виктора Моисеевича, к чему хорошему приведет для французов установление во Франции власти левых сил? Мгновенно преклонив голову, он приутих.

¹⁸¹ Далин В.М. Строили историю.

то ни было шатанию»¹⁸². Подтверждением тому является выступление Виктора Моисеевича на состоявшемся в январе 1972 г. в Институте всеобщей истории АН СССР торжественном и расширенном заседании ученого совета, организованном в связи с его семидесятилетием. С докладом «Путь В.М. Далина ученого-историка» выступил А.З. Манфред, а с приветствиями – не только представители самых авторитетных советских научных организаций – Отделения истории АН СССР (И.И. Минц), Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, МГУ (И.С. Галкин), издательства «Наука», исторических журналов – «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», но и бывший генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.И. Мильчаков¹⁸³.

По свидетельству А.М. Некрича, «Виктора Моисеевича в Институте все любил, и зал, в котором происходило торжественное заседание, был полон. Говорили много приятных слов юбиляру, которые он безусловно заслужил. Но вот слово предоставили Далину. Он довольно остроумно рассказывал о своей жизни, однако почти полностью обошел молчанием время своего пребывания в лагере, а ведь это без малого составляло треть его сознательной жизни. Под конец он разволновался и вдруг срывающимся голосом воскликнул, “Товарищи, давайте споем наш партийный гимн «Интернационал»?”. И все встали и запели»¹⁸⁴.

Это выступление В.М. Далина в самом конце торжественного мероприятия, вызвавшего удивление присутствовавших, констатировал и А.В. Гордон: «Виктор Моисеевич взволнован, расчувствовался. Выступает, благодарит и вдруг заявляет: “Мне хотелось бы, чтобы, как и во времена моей молодости, наше собрание закончилось пением «Интернационала»”. То ли возглас, то ли просто выдох пронесся по рядам. “Интернационал” давно уже не пели даже на партийных собраниях. Председательствующий [академик Е.М. Жуков. – В. П.] от изумления исторг какой-то непонятный звук и просто вдавился в свое кресло. Инициатива пришла снизу... Е)перед вышла Софья Моисеевна, жена и подлинно боевая подруга: “Вставай, проклятым заклеименный.”. Зал нестройно, но дружно подхватил»¹⁸⁵.

Прав, несомненно, А.В. Гордон, написавший о В.М. Далине: «Его оптимизм и его жертвенность, вера в идеалы и верность избранному делу – это уроки большой и трудной жизни. Уроки добрые и мудрые, которые по-хорошему воодушевляют и по-существу научают»¹⁸⁶.

Со дня кончины В.М. Далина, последовавшей 5 октября 1985 г., прошло почти три с половиной десятилетия. За минувшие годы многое изменилось в российской исторической науке. Благодаря переменам, и в особенности исчезновению диктата господствовавшей коммунистической идеологии, в корне преобразился облик российского общества, перед российскими историками открылись широкие возможности для исследования многих, долгое время остававшихся под строгим запретом «нежелательных» тем и пересмотра, казалось бы, незыблемых интерпретаций, выдвинутых советскими историками по глобальным вопросам методологического характера.

Как отмечал Ф. Бродель, «история, которую непрерывно допрашивают, обречена на новшество, на последовательное и обязательное обновление»¹⁸⁷. Печально, но, как бы ни был талантлив историк, со временем его работы в определенной степени утрачивают свою значимость. В свете новейших достижений исторической науки не все, конечно, интерпретации В.М. Далина сегодня можно признать бесспорными. Тем не менее его вклад в разработку важнейших проблем истории Франции так велик, что к нему неоднократно будут обращаться исследователи будущих поколений различных стран. В этой связи небезынтересно мнение Эрве

¹⁸² Цит. по: *Погодин С.Н.* Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века). СПб., 2017. С. 329–330.

¹⁸³ «План проведения заседания Ученого совета Института всеобщей истории АН СССР, посвященного 70-летию доктора исторических наук, профессора В.М. Далина» // НИОР РГБ. Ф. 772. К. 38. Ед. хр. 1. Л. 2.

¹⁸⁴ *Некрич А.* Указ. соч. С. 373.

¹⁸⁵ *Гордон А.В.* Историки железного века. С. 307. Об этом мне рассказала и И.А. Манфред – старшая дочь А.З. Манфреда.

¹⁸⁶ Там же. С. 306.

¹⁸⁷ Цит. по: *Thuillier G., Tulard J.* Les écoles historiques. Paris, 1990. P. 5.

Леверса, сообщившего мне, что книга В.М. Далина о Бабефе «все еще остается одной из тех работ, на которые во Франции ссылаются»¹⁸⁸. Иначе говоря, он невольно доказал правоту высказанного в 1991 г. предположения Ж.-М. Шиппа, что французские историки «будут иметь весьма многочисленные поводы, чтобы ссылаться на этот фундаментальный труд»¹⁸⁹.

Незадолго до своей безвременной кончины А.З. Манфред с горечью писал о том, что по разным причинам историки предали забвению своих великих и выдающихся предшественников, профессиональных историков, «отдавших науке всю жизнь и ставших славой своей страны»¹⁹⁰.

Сегодня отрадно отметить, что в российской науке наметились значительные сдвиги в этом направлении. За последние десятилетия созданы не только научные биографии некоторых дореволюционных¹⁹¹ и российских историков¹⁹², но и благодаря усилиям крупного организатора науки Г.Н. Севостьянова заложены основы для написания биографий многих из них¹⁹³. Несомненно, права Л.П. Репина, отметившая: «Биографии историков занимают достойное место в зарубежной и в отечественной историографии: в последнее десятилетие появилось немало книг, не говоря уже о многочисленных очерках»¹⁹⁴.

Будем надеяться, что со временем среди биографических исследований отечественных историков свое достойное место займет и биография Виктора Моисеевича Далина, историка яркого, незаурядного таланта, обогатившего советскую и мировую историческую науку выдающимися трудами.

¹⁸⁸ Письмо Э. Леверса автору от 13 декабря 2010 г. // Личный архив В.А. Погосяна.

¹⁸⁹ *Schiappa J.-M. Gracchus Babeuf avec les Égaux*. Paris, 1991. P. 18.

¹⁹⁰ *Манфред А.З. Милица Васильевна Нечкина – мастер исторического повествования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. (К 75-летию академика М.В. Нечкиной)*. М., 1976. С. 24.

¹⁹¹ См., например: *Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества*. М., 1974; *Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев*. М., 1980; *Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция*. Л., 1988; *Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики*. М., 2010; *Малинов А.В., Погодин С.Н. Владимир Иванович Герье*. СПб., 2010; Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / авт. – сост. Е.А. Долгова. М., 2015.

¹⁹² См., например: *Галкин И.С. Н.М. Лукин – революционер, ученый*. М., 1984; *Юзбашиян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели, 1887–1961*. М., 1986; *Дунаевский В.А., Цфасман А.Б. Николай Михайлович Лукин*. М., 1987; *Гневушева Е.И. Академик Александр Андреевич Губер*. М., 1987; *Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965)*. М., 1987; *Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле*. М., 1977; *Он же*. Пока из рук не выпало перо. Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел, 1994; *Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков*. СПб., 1995; *Он же*. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Петербург, 2006; *Он же*. Русские медиевисты первой половины XX века. М., 2007; *Он же*. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014; *Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков*. М., 1999; *Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков*. Саратов, 1991; *Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов*. СПб., 2000; *Твардовская В.А. Б.П. Козьмин. Историк и современность*. М., 2003; *Бовыкин Д.Ю. Анатолий Васильевич Адо: образ и память*. Саратов, 2007; *Лагно А.Р. Вячеслав Петрович Волгин*. М., 2012; *Егорова С.Д. Историк В.А. Бутенко. Портрет на фоне эпох*. Сыктывкар, 2013.

¹⁹³ *Портреты историков. Время и судьбы*. Т 1. Отечественная история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000; Т 2. Всеобщая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000; Т 3. Древний мир и Средние века / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004; Т. 4. Новая и новейшая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004; Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2010.

¹⁹⁴ *Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика*. М., 2011. С. 319.

Глава II

В.М. Далин, каким я его знал¹⁹⁵

Для тех, кому было суждено общаться с Виктором Моисеевичем Далиным лично, он навсегда остался выдающимся историком, деятельность которого является образцовым примером беззаветного служения исторической науке. Яркий исследовательский талант, колоссальная работоспособность, несгибаемая сила воли и чувство высокой ответственности перед избранной профессией позволили ему на протяжении долгого жизненного пути, отнюдь не усыпанного розами, создать ценнейшие труды по ряду ключевых вопросов новой и новейшей истории Франции, обеспечившие ему почетное место среди блестящей плеяды русских и советских служителей музы Клио, изучавших историю Франции¹⁹⁶.

Вклад В.М. Далина в разработку многих узловых проблем франковедения и, в частности, истории Французской революции XVIII в., по достоинству оценен зарубежными историками¹⁹⁷. Признанием заслуг советского историка за рубежом стало его избрание почетным председателем Комиссии по изучению истории Французской революции при Международном комитете исторических наук, почетным доктором Безансонского университета, членом административного совета французского Общества робеспьеристских исследований, членом Итальянского научного центра по изучению эпохи Наполеона.

К сожалению, того же нельзя сказать об отношении к нему на его родине, где его научные труды были более известны¹⁹⁸. Лишь однажды руководство Института всеобщей истории АН СССР ходатайствовало «о представлении доктора исторических наук, профессора В.М. Далина за заслуги в развитии советской исторической науки и в связи с 70-летием к правительственной награде, ордену Октябрьской революции»¹⁹⁹. Однако из-за его «неприглядного» прошлого он не был награжден этим орденом.

Перед нами стоит трудная задача – написать о В.М. Далине, незаурядной личности. Сложность заключается еще и в том, что автору этих строк довелось долгие годы работать под его руководством, а это обстоятельство предполагает наличие субъективного подхода. Но тем не менее считаю необходимым обрисовать портрет В.М. Далина – исследователя и гражданина, которому полностью подходят слова А.А. Зимины о себе: «Вне истории я себя не помню»²⁰⁰.

В.М. Далин был одним из самых ярких представителей своего поколения, которое вступило в жизнь в переходную эпоху и получило воспитание в соответствии с императивными требованиями революционного времени. Его юность и молодость были озарены лучами Октябрьской революции, и это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на формирование его психологии, мышления и поведения. Романтизм в сочетании с неудержимым желанием

¹⁹⁵ Первоначальный вариант опубликован в: ФЕ – 2002. С. 8–20.

¹⁹⁶ Его имя по праву отражено во многих российских энциклопедиях и биографических словарях. См.: Российская еврейская энциклопедия. Т 1. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. С. 412; Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 113–114; Большая российская энциклопедия. Т 8. М., 2007. С. 255; Новая российская энциклопедия. В 12 т. Т V (1). М., 2008. С. 417; Чернобаев А.А. Историки России XX века: Библиографический словарь. Т 1: А–Л. С. 260; Профессора Московского университета 1755–2004: Биографический словарь. Т 1: А–Л. М., 2005. С. 372; Российская историческая энциклопедия. Т 5. М., 2017. С. 446447.

¹⁹⁷ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902–1985) и литература о нем. С. 70–87.

¹⁹⁸ Отметим, что и другие его советские коллеги были гораздо больше оценены за рубежом, чем в СССР. См., например: Гишберг Л.И., Поздеева Л.В. Аркадий Самсонович Ерусалимский (1901–1965) // Портреты историков. Время и судьбы. Т 2. С. 352; Иванов Р.Ф. Алексей Владимирович Ефимов (1896–1971) // Там же. С. 370; Якобсон В.А. Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999) // Портреты историков. Время и судьбы. Т 3. С. 64.

¹⁹⁹ НИОР РГБ. Ф. 772. К. 60. Ед. хр. 8. Л. 3 [в архиве А.З. Манфреда сохранилась трехстраничная машинописная копия этого ходатайства, при том с поправками карандашом].

²⁰⁰ См.: Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017. С. 534.

скорейшего коренного переустройства общественной жизни был характерной чертой творцов революции на ее заре. Во время одного из своих выступлений на заседании сектора Новой истории В.М. Далин нам рассказал, как в 1918 г. на одной свадьбе первым стаканом присутствовавшие выпили за победу германской революции и за здоровье В.И. Ленина, раненного выстрелом Ф. Каплан, На вопрос же В.П. Смирнова Н.Е. Застенкеру, о чем он мечтал в годы своей молодости, тот ответил: «Конечно, о мировой революции»²⁰¹.

До самой кончины В.М. Далин свято верил в идеалы далекого 1917 г., претворению в жизнь которых он всецело посвятил все силы и знания. Участник первых боев за установление советской власти, активный комсомольский работник, занимавший высокие посты, В.М. Далин пришел в науку в ту пору, когда марксистская методология вела непримиримую борьбу за самоутверждение. Став под руководством Н.М. Лукина одним из самых последовательных историков-марксистов первой волны, В.М. Далин во имя утверждения господства новой методологии активно включился в беспощадную идеологическую борьбу против историков, полностью или даже частично не принимавших марксизм и не разделявших взглядов Н.М. Лукина. Возможно, в те годы иначе не могло и быть, ибо речь идет о поколении молодых исследователей, получивших историческое образование сразу же после победы социалистической революции, которая открывала, как им представлялось, новую эру в судьбе человечества. Они горели желанием все перевернуть вверх дном, сметая на своем пути все то, что олицетворяло старые порядки.

Чтобы не быть голословным, приведу для характеристики позиции самого В.М. Далина такой пример: в те годы с присущим ему пылким молодым задором, в порыве преклонения перед новой методологией он страстно выступал против академика Е.В. Тарле, воспринимая его как буржуазного историка²⁰². Даже во время научной командировки во Францию в 1929–1930 гг., по собственному признанию В.М. Далина, у него не было ни малейшего желания присутствовать на публичной лекции находившегося тогда в Париже «идеологического противника», на которую он все же пошел, но с большой неохотой. А 2 февраля 1931 г., в день исключения Е.В. Тарле из состава Академии наук СССР, дабы обосновать предстоявшее решение общего собрания Академии наук, он выступил на заседании Общества историков-марксистов с обширным докладом «О Тарле», посвященном его научному творчеству. Как яркий представитель своего поколения историков-марксистов В.М. Далин в соответствии со своими научными и политическими убеждениями именовал его, не придерживавшегося марксистской методологии, «одним из авторитетных представителей буржуазной науки», «врагом Советской России» и т. д.²⁰³

Но уже несколько лет спустя, в связи с отзывом Е.В. Тарле на учебник по Новой истории для средней школы²⁰⁴, он проявил себя более сдержанно, заявив 9 июля 1935 г.: «Ряд замечаний Е.В. Тарле правильны и будут учтены, но некоторые или основаны на недоразумении или спорны»²⁰⁵. То же констатировал Б.С. Каганович после тщательного ознакомления с этой полемикой: «Ответы Далина, Ефимова, да и Лукина, выдержаны в довольно корректном тоне»²⁰⁶.

²⁰¹ Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М., 2011. С. 485.

²⁰² См. рецензию В.М. Далина на книгу: Тарле Е.В. Краткий очерк истории Европы (1814–1919). 2-е изд. Л., 1929 // Книга и революция. 1929. № 15/16 [под псевдонимом К. Винтер]. См. также: Далин В.М. Выступление на методологической секции от 18 декабря 1930 г. // ИМ. 1931. № 21. С. 55–60. О гонениях, которым подвергался Е.В. Тарле в 1920–1930-х гг., в том числе самим Сталиным, написано немало, однако я предпочитаю предложить читателю книгу А.В. Гордона, более подробно и, что для нас важнее, разносторонне осветившего этот вопрос: Гордон А.В. Власть и революция: советская историография Великой революции. 1918–1941. Саратов, 2005. С. 76–90.

²⁰³ См.: Погосян В.А. Доклад В.М. Далина «О Тарле» // ФЕ – 2016. Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 244–294.

²⁰⁴ Далин В.М., Ефимов А.В., Лукин Н.М., Фридлянд Г.С. Указ. соч.

²⁰⁵ АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Ед. хр. 312. Л. 33.

²⁰⁶ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 177.

Однако в последние годы жизни В.М. Далин считал Е.В. Тарле выдающимся ученым, которого высоко ценил. С особым почтением он говорил о его работах дореволюционного времени, отмечал обширнейшую эрудицию и литературное мастерство. Что же касается негативного отношения представителей школы Н.М. Лукина к Е.В. Тарле, то В.М. Далин с горечью признавал в разговоре со мной, что и он сам в те годы такое отношение разделял. Об этом же свидетельствует и его беседа с Б.С. Кагановичем в 1983 г.: «Если Вы знаете мою биографию, то должны знать, что я не должен был любить Тарле – моя научная деятельность началась с критики Тарле. Я с ним никогда не встречался. Теперь я написал бы мягче, но думаю, что по существу я был прав. Больше всего мне нравится у него работа “Жерминаль и прерияль”»²⁰⁷. К слову, и Б.С. Каганович не преминул отметить, что «в своих позднейших работах В.М. Далин и Ф.В. Потемкин воздавали должное научным заслугам Тарле»²⁰⁸.

В.М. Далин прожил содержательную, интересную жизнь. Ему довелось, как уже отмечалось, лично общаться и сотрудничать со многими руководящими деятелями советского государства и международного рабочего движения. Но в отличие от многих других он без большой охоты говорил о своих встречах и общении с людьми, олицетворявшими целую эпоху. Исключение он делал только для историков с мировым именем. До конца своих дней В.М. Далин, к примеру, с особой гордостью и с большим восторгом вспоминал о своих встречах в Париже с одним из крупнейших исследователей истории Французской революции Альбером Матъезом, которого наряду с Н.М. Лукиным и В.П. Волгиным считал одним из своих учителей²⁰⁹. Он не только во всех деталях передавал содержание своих с ним бесед на научные темы, рассказывал об оценках, данных А. Матъезом Сталину, Троцкому, а также А. Олару и другим историкам, но и описывал его внешность, манеру держаться, особенности характера и т. д.

Однако А. Матъез, научным наследием которого В.М. Далин восхищался, не был для него предметом слепого поклонения даже в годы его молодости. В 1930–1931 гг. В.М. Далин вместе со своими коллегами выступил против А. Матъеза, когда тот подверг резкой критике сложившуюся в СССР политическую систему, превращение исторической науки в априорную догму, «которая и является своеобразным марксизмом, понимаемым и применяемым на манер катехизиса»²¹⁰, а также те гонения, которым подвергся ряд советских историков (Е.В. Тарле и др.) со стороны Сталина. В 1931 г. вместе с Н.М. Лукиным и еще шестью коллегами (Р.А. Авербух, Н.П. Фрейнберг, С.Д. Куниским, С.М. Моносовым, Я.В. Старосельским, С.П. Завитневичем) он подписался под критическим письмом, адресованном А. Матъезу²¹¹, свидетельствовавшим о мировоззрении советских историков давно минувшего времени. Здесь не место подробно обсуждать эту, мягко говоря, неплодотворную для советских исследователей дискуссию²¹², в ходе которой А. Матъез разгромил своих оппонентов, назвав их «сталинскими историками»²¹³. Отметим, однако, что советские историки в своих выступлениях против него с радостью ухватились за такую более чем лестную, на их взгляд, оценку, которой они гордились и восхищались²¹⁴.

²⁰⁷ Там же. С. 146.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ *Оболенская С.В.* В.М. Далин – почетный доктор Безансонского университета // ФЕ – 1985. М., 1987. С. 310–311.

²¹⁰ Цит. по: *Лукин Н.М.* Новейшая эволюция Альбера Матъеза // ИМ. 1931. Т 21. С. 40.

²¹¹ См.: *Mathiez A.* «Choses de Russie Soviétique» // АНRF. 1931. N 2. P. 149151. См. также: Полемика Альбера Матъеза с советскими историками 1930–1931 гг. / предисл. В.А. Дунаевского // НиНИ. 1995. № 4. С. 205–207.

²¹² См. об этом: *Friguglietti J.* Albert Mathiez historien révolutionnaire (1874–1932). Paris, 1974. P. 210–216; Полемика Альбера Матъеза с советскими историками 1930–1931 гг. С. 199–211; *Дунаевский В.А.* Николай Михайлович Лукин (1885–1940) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. С. 316–317; *Poghosyan V.* Sur la polémique entre Albert Mathiez et les historiens soviétiques // АНRF. 2017. N 387. P. 31–54.

²¹³ См. письмо А. Матъеза Ц. Фридлянду от 20 декабря 1930 г. // Полемика Альбера Матъеза с советскими историками 1930–1931 гг. С. 205; *Poghosyan V.* Op. cit. P. 54.

²¹⁴ Фридлянд Ц. «Казус Матъеза» // Борьба классов. 1931. № 1. С. 104. О всесторонней и объективной оценке этой, скорее,

В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Во время перестройки некоторые авторы, ссылаясь на этот пример и на выдвинутую советскими историками 1920-1930-х гг. концепцию якобинской диктатуры, однозначно одобрявшую все имевшие место за годы Французской революции эксцессы, с язвительной и непростительной иронией упоминали о трагической судьбе тех, кто, восхваляя Робеспьера или якобинский террор, сами вскоре стали жертвами сталинских репрессий²¹⁵. Никто из писавших подобным образом почему-то не задумался над тем, что речь шла о ничем не отличавшемся от настоящей трагедии коллективном менталитете целого поколения исследователей, над головой которых был занесен меч сталинизма.

Помимо А. Матьеа, среди французских историков разных направлений, с которыми В.М. Далина связывала многолетнюю творческую дружбу, он особенно высоко ценил творчество Ф. Броделя, Э. Лабрусса, А. Соболя, Ж. Годшо и Ж. Брюа. Неоднократно общаясь с ними лично во время их московских визитов, В.М. Далин установил с французскими коллегами очень дружеские отношения и в конце жизни признавал, что это общение во многом способствовало расширению его научного кругозора²¹⁶. По свидетельству же М. Вовеля, имевшего с ним только одну встречу в Институте всеобщей истории в 1982 г., Виктор Моисеевич признавал «важность французских авторов в своем формировании»²¹⁷

политизированной, чем научной дискуссии см.: *Gordon A.B.* Указ. соч. С. 93–96, 230–232; *Poghosyan V.* Op. cit.

²¹⁵ См., например: *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 555.

²¹⁶ *Daline V.* Hommes et idées. P. 5.

²¹⁷ *Vovelle M.* La bataille du Bicentenaire de la Révolution française. Paris, 2017. P. 224.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.